#Перо Адалин

Автор:
Юта Мирум

#Перо Адалин

Юта Мирум

#ONLINE-бестселлер

Столетиями первенцы монаршей семьи добровольно отдают жизнь ради существования королевства, окруженного пустыней. И вновь настал час, когда в храме у озера готовятся к жертвоприношению. Процессия отправляется к обители монахов, но, едва покинув столицу, попадает в западню. Принцесса, чудом избежав преждевременной смерти, вынуждена искать новый путь, чтобы совершить ритуал.

Достойна ли Адалин жить, захочется ли ей сбежать и как она поступит с судьбой целого народа? В поисках ответа ей предстоит пройти длинный путь, полный опасностей и скрытых веками тайн, а в череде предательств ее единственным спасением станет человек, который не верит в ритуал и жертвы, приносимые во имя всеобщего блага.

Юта Мирум

Перо Адалин

© Юта Мирум, текст, 2018

© Shutterstock Inc., фотография на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

#1. Когти

Трактирщик не скрывал улыбки, в уме подсчитывая прибыль за удачный вечер. Вся столица гудела в честь семнадцатого дня рождения принцессы – празднования, начавшиеся еще утром, грозили затянуться до следующего восхода солнца. Ночь предстояла длинная, и веселые, раззадоренные крепким элем посетители трактира шумели, то и дело поднимая за именинницу кружки с горячительными напитками. Поначалу принцессе и королевской семье желали всех благ, но после обилия крепкой выпивки гости стали откровеннее в своих пожеланиях:

– Легкого принцессе пути и быстрой смерти! – донесся с одного стола тост, который публика встретила громким смехом и одобрительным шумом. Кто-то добавил, что после жертвоприношения прекрасной девы образам Санкти магия заиграет с новой силой, и эти слова утонули в гуле довольных голосов и грохоте кружек с пенистым элем. За другим столом затянули старенькую бодрую песню, и ее подхватили остальные посетители. Их голоса сливались в невообразимый гомон, который мог выдержать только тот, чье сердце уже согрел пьянящий эль. Курносый юнец из большой компании, найдя в закромах чулана струнную тирфу, разбавил пение товарищей задорной мелодией. Трактирщик покачал головой, совсем некстати испытывая жалость к виновнице торжества. Дитя, родившееся под несчастливой звездой, – совсем скоро ее жизнь подойдет к концу, и имя королевской дочери будет забыто навеки. Память о жертвах, как бы ею ни гордились, растворяется с пугающей скоростью. Быть первенцем в королевской семье – участь, которой не позавидовал бы даже бездомный пьяница, прозябающий в темноте и холоде городских улиц.

Тяжелые раздумья трактирщика прервали новые посетители, которые с порога заказали по две кружки эля на каждого. Мигом повеселевший хозяин поспешил выполнять заказ – сегодняшнее событие обещало обогатить владельца каждого питейного заведения, что заставляло умолкнуть даже самый настойчивый голос

жалости в голове.

Лишь один гость не разделял всеобщего веселья. Хоть перед ним и стояла кружка, наполовину наполненная янтарной жидкостью, сам гость походил на человека, который обмывает крепким напитком свежие раны. Брови незнакомца сошлись на переносице, указывая на крайнее раздражение, – откровенные тосты и чистосердечные пожелания принцессе заставили его скривиться от отвращения. От количества выпитого перед глазами все плыло, но гость упорно продолжал пить, будто поставил цель – осушить дно кружки.

Молодого человека звали Винсент, и плохое настроение преследовало его с самого утра. Сложно оставаться спокойным, когда в тщательно выстроенный, привычный уклад жизни с громкими фанфарами врываются стражи короля, приказывая бросить все и взять на себя ответственность за поездку монаршей особы к далекому храму, где должно состояться жертвоприношение.

Этот сюрприз Винсент не мог переварить с сегодняшнего дня, когда его, без права отказаться, привезли к начальнику королевской стражи – выслушать наставления. Король же собирался почтить своим присутствием «счастливчика» после, надеясь, видимо, на дар убеждения своего подчиненного.

Начальником королевской стражи был древний старик по имени Ролло, по которому плакала отставка. Винсент вошел в кабинет, полный табачного дыма. С трудом поборов желание откашляться, он едва сдерживал раздражение, слушая старика. Видите ли, это самое настоящее везение – ему, простому сопляку без имени и признания, поручили возглавить поездку королевской дочери. Ролло вообще говорил много и с большой охотой. И не удивительно: в мирное время оружие применяли только против разбойников, численность которых с каждым годом уменьшалась. Воины в большинстве своем выполняли роль стражей, и все их задачи сводились к поддержанию порядка среди жителей, охране территорий да усмирению редких разборок вельмож. Вот и старик Ролло, похоже, совсем забыл, как держать в руках меч, зато до болтовни стал охоч. А великолепная коллекция оружия, украшающая стены кабинета, похоже, никакой другой роли уже и не знала.

– Я отказываюсь, – дождавшись паузы в потоке хвалебной речи, коротко ответил Винсент, поднимаясь с предложенного ему стула. Взгляд Ролло выражал крайнее удивление, и у Винсента возникло неприятное ощущение, что все уже давно решили за него.

– Отказываешься, значит, – устало выдохнул старик, поднимаясь во весь свой невысокий рост. Несмотря на занимаемую должность, старик Ролло был человеком добродушным. Последние годы он не покидал дворцовых стен – не было никаких военных походов и даже обычных вылазок к Южным воротам, но в ослабевшем с возрастом теле стража еще билось воинское сердце, и его ритм напоминал рокот барабанов, зовущих на поле битвы.

Ролло быстро забыл о добром настрое, открыв Винсенту свое истинное лицо. Он не принимал отказов.

– Что ж, господин Винсент, охранник лорда Кальяса. Объясню иначе: выбора у тебя нет. Лорду Кальясу я отправил нового сопровождающего. Работа тебе светит только эта. А другой в ближайшие лет десять и вовсе может не быть. – Старик, пряча улыбку в седых усах, довольно добавил: – Разве что черточки на стене подземелья рисовать да дни считать. Понимаешь, о чем я? Или же сразу… – Дверь в кабинет неожиданно с громким звуком отворилась, и в помещение ворвался ураган из сцепившихся в схватке двух тел.

– Деда… – протянул один из незваных гостей.

Обида на лице бойкого гостя, которая больше подошла бы избалованному подростку, сменилась праведным гневом. Отскочив от приятеля и насупившись, он мигом подлетел к Ролло, совершенно забыв о манерах:

– Альвах передал, что ты назначил меня в охрану принцессе каким-то подчиненным?! А как же обещанное командование и полная свобода действий? Кто занял мое место? Покажи мне этого облезлого пса, и я с него три шкуры спущу! – распалялся наглец, попутно отмахиваясь от друга.

– Новый командир стоит перед тобой, – усмехнулся Ролло. – Знакомьтесь, парни!

Старика явно радовал такой расклад – его улыбка росла прямо пропорционально появлению злого оскала на лице внука, рассерженного таким поворотом. Похоже, Винсент невольно оказался крайним в споре между родственниками. Но ему оставалось только молча проглотить недовольство.

Внучек Ролло, носящий мелодичное и будто бы женское имя Леверн, недолго думая, вместо приветствия приложился кулаком к лицу новоиспеченного командира. Второй удар Винсент блокировал и, уложив обладателя пустой головы на лопатки, приказал второму стражу придержать своего друга. Тот, на удивление, оказался смышленее и подчинился без слов. Сам же Ролло, ничуть не удивленный поведением внука, без церемоний выставил того за дверь. Похоже, начальник королевской стражи не собирался заниматься воспитанием родственника, переложив эту заботу на плечи Винсента.

«Если и все остальные будут приветствовать меня так же, я, пожалуй, выберу уютную подземную камеру, – устало подумал командир. – Крысы хотя бы не проклянут мой род до пятого колена».

Ролло как ни в чем не бывало представил второго драчуна. Тихий русоволосый паренек по имени Альвах против нового командира ничего не имел. Начальник королевской стражи, считая назначение Винсента делом решенным, тут же принялся вводить его в курс дела. Работы предстояло много – ознакомиться с намеченным маршрутом, личными данными всего отряда, списком служанок, которые будут сопровождать дочь короля. От кипы документов Винсенту хотелось выть, но шанса сбежать он не видел. Да и другие варианты как-то сразу отпали, когда Ролло, довольно попивая травяную настойку, сообщил новому командиру о гонораре, который он получит за плевое дело. Но не только золото соблазнило его – Ролло поведал, что после окончания жертвоприношения Винсента ждет повышение, и король даже позволит ему возглавить ближайший поход в пустыню.

«Купил с потрохами», – подытожил про себя Ролло, видя, как загораются глаза на доселе непроницаемом лице молодого человека.

После такой новости Винсент с головой ушел в заботы – чем лучше он все распланирует, тем спокойнее будет поездка. Дел хватало: процессия состояла из тридцати человек, и Винсент с тревогой размышлял, как быстро они доберутся до места назначения. Верхом на лошади, скача галопом почти без отдыха, он один добрался бы до храма за десяток дней. Со всеми людьми, каретами, частыми остановками для торжественных приемов тут и там и прочими задержками командир рассчитывал управиться в лучшем случае за месяц, если не больше.

Сидя все в том же трактире, Винсент не без помощи эля убеждал себя, что эта работа очень выгодна во всех отношениях. И пусть некоторое несоответствие с его внутренними устоями топится в кружке – всего лишь и нужно достаточно выпить, чтобы туда влезли и совесть, и жалость. Раз взялся – выполняй как полагается, до конца.

* * *

Грядущее жертвоприношение королевского первенца обсуждалось жителями задолго до дня рождения принцессы. Невозможно обвинять людей в излишнем желании разобрать еще раз то, что никак не поддается осознанию. Каждый строил гипотезы, особо смелые озвучивали их во время воскресных встреч на площади, совсем назойливые пытались заставить как можно больше народа поверить в свои догадки, упоминая в своих историях имена, так или иначе связанные с дворцовой стражей. Что могли знать бедные вояки, денно и нощно охраняющие ворота и большие парадные залы в замке, – неизвестно, но люди раз за разом верили больше всего именно таким россказням. Предмет столь активных дискуссий на протяжении нескольких столетий (про более давние века говорить трудно, может, люди тогда были спокойнее, а может, и знали что-то) был очень прост.

Магия.

Неизведанная сила, которую боятся все, кто ее ни разу не видел, отчего их страх перерастает в любопытство, а уже оно приобретает немыслимые формы и проявления. Магия – благодатная рука, по милости которой люди живут в королевстве, окруженном, словно оазис, раскинувшейся до конца мира пустыней. Завладев горизонтом, бесконечные пески появлялись, стоило только выйти за одни из четырех ворот на границе королевства. Никто не знал, где заканчивается пустыня. Храбрецы, которые пытались выбраться навстречу неизведанному, возвращались с пустыми руками – ничего, кроме бескрайнего золотого моря и непередаваемой жары, они не находили. Страна же, словно не зная о раскинувшейся вокруг пустыне, радовала жителей жарким летом и холодной зимой. Недостатка в воде не было – широкая, глубоководная река тянулась через земли на тысячи километров. Только те, кто бывал и у Северных, и у Южных ворот, знали, что река берет начало глубоко под землей, а впадает в озеро. Из-за округлой формы озеро назвали Голова Дракона, и оно являлось венцом извилистой реки. Считалось, что именно река распространяет магию – ее

воды насыщали землю, прогоняя пески. Вода давала жизненную силу каждому человеку, была личным эликсиром здоровья и счастья. Люди в королевстве по сей день не знают тяжких болезней, спокойно доживают до ста лет, убереженные от слабости и немощности. Но стоит заметить, что любителей выяснить отношения на кулаках после драки отводят все же к лекарям, а не к реке: вода не панацея от любого ранения и не лекарство для дурной головы.

Люди поклоняются магии, боготворят этот дар, не видя его, – магов, которые могут показать свои умения, совсем мало, да и огласки представители этого ремесла стараются избегать. Они путешествуют по королевству и помогают нуждающимся в обмен на монеты и молчание. Хотя, как поговаривали все те же ненасытные до сплетен люди, в замке обитают несколько магов, но ни их имен, ни лиц, ни должностей никто не знает. Да и зачем, если вымысел всегда интереснее правды?

Чуть больше, чем мифические маги, простых людей интересует жертвоприношение.

Как и любое сущное в этом мире, ничего не появляется и не исчезает просто так – все требует равновесия. Хочешь плодов земли? Отдай ей свои время и труд – и получишь желаемое. Хочешь построить дом? Сруби деревья или добудь камни, а если не можешь – купи за монеты или обменяй на домашний скот. Пользуешься плодами магии – будь добр, отдай ей нечто, равноценное дару. За здоровую и полную сил жизнь отдают столько же. Для поддержания магии этого мира, что струится в воде, впитывается в землю и витает мельчайшими частицами в воздухе, нужен молодой и здоровый человек, который добровольно отдаст жизнь у ритуальной чаши во имя будущего процветания своего народа.

Таким человеком предстояло стать юной принцессе, чей род веками стойко и смиренно нес бремя, возложенное на его плечи. Издавна монархи уплачивали высокую цену процветания своего народа, и момент оплаты вновь пришел. За ужином принцессу поздравят с началом восемнадцатого года жизни – праздником, знаменующим длинную дорогу, конца которой она ждала с самого рождения.

Королевская дочь наблюдала за щебечущими служанками, тихо стоя в дверном проеме и пряча руки за спиной. В тонкой фигуре не чувствовалось ни напряженности, ни надменности – голову принцесса никогда не задирала, в глаза старалась не смотреть, предпочитая останавливать взор на лбу

собеседника. Адалин, а именно так сдерживающий эмоции отец и рыдающая мать нарекли ее при рождении, не могла понять, почему служанки, которые помогают ей одеваться, так восхищаются нарядами. Алые, багрового оттенка платья, вынутые из золоченых сундуков, не вызывали у нее и толики радости. Богатое убранство каждодневных нарядов, роскошь, что окружала принцессу с детства, и благоговение всех, кого встречала Адалин, – все, что она получала за свою жизнь. При этом принцесса была лишена всего, что другим казалось естественным и само собой разумеющимся.

Символичный алый цвет был единственным, который разрешалось носить принцессе с момента ее рождения, чтобы дитя не забывало своего предназначения. Хотя забыть об этом и так было сложно – каждый взгляд, каждое слово, когда-либо сказанное ей, напоминало о грядущем. Будущее Адалин было предопределено – конец, который наступит, когда другие только начнут ценить жизнь.

Зайдя в свои покои, принцесса провела следующий час без движения. Ее нарядили в несколько слоев юбок и тонких сорочек, расшитых серебряными нитями. Черные волосы аккуратно перевязали алыми лентами и подкололи заколками, а шею заключили, словно в тиски, в тонкое колье, украшенное драгоценными камнями. Хоть служанки не боялись молчаливой и слегка странной госпожи, но все же почтительно склонили головы, завершив свои хлопоты. Девушка, час назад внешне отличавшаяся от прислуги лишь безразличием на лице, сейчас вызывала восторг и благоговение. Правду говорят – одежда меняет многое в человеке, пусть внутри он и остается прежним.

Возможно, и вправду виновато платье. Одна из служанок, провожая госпожу взглядом, все сравнивала ее с картинкой из любимой книги. С самого детства она помнила каждое слово в истории про девочку, которая живет в большом замке. На выцветшем со временем рисунке принцесса крепко держала за руку сурового мужчину – короля. Такая книжка была в каждом доме, чтобы подданные знали, как выглядит их король, а также молились за первенца монарха, который будет принесен в жертву.

Агата тихонько хмыкнула, вспомнив, как рьяно в детстве хотела увидеть эту красивую девочку из книжки и подружиться с ней. Ведь это наверняка так интересно! И пусть пугливая мать, услышав об этой мечте, в неверии схватилась за сердце, – Агата не боялась своих желаний. Ведь с принцессой можно бегать по замку, рассказывать секреты и втайне от всех мечтать о прекрасных рыцарях,

коих в замке наверняка так много. А страшные истории – они для взрослых. Мол, несчастливая судьба у принцессы… Чушь!

Жизнь дала Агате шанс узнать все самой. Повзрослев, она попала в услужение юной госпоже и разочаровалась в детских мечтах. Прекрасных и таинственных рыцарей в замке было раз-два и обчелся, да они в своем великолепном высокомерии и не обращали на симпатичную служанку никакого внимания, а то и вовсе исчезали из замка по особым поручениям на долгое время.

А вот подружиться с принцессой кое-как удалось, хоть дружба и вышла странная. Адалин оказалась не такой, как хотелось маленькой Агате, – вместо обычной девочки в красивом платье ее госпожа казалась натурой безвольной, плывущей по течению. В темных глазах принцессы нельзя было найти и капли жизни. Она мало говорила, никогда не повышала голоса и редко смеялась. Эмоций почти не выказывала, хотя выражение ее лица зачастую было грустным – словно это чувство въелось в кожу Адалин и стало ее частью. Принцесса почти ничего не любила; целыми днями читала книги из обширной библиотеки, ходила по замку и окрестностям, но всегда оставалась в пределах дворцовых стен. Агата втихую прозвала госпожу пустышкой – ведь та действительно была словно пустой сосуд, в котором не было ни эмоций, ни жажды жизни.

Однако стоило Агате смириться со сложившейся ситуацией, как неожиданный случай подарил проблеск надежды. Ей посчастливилось увидеть, как принцесса ожила, – всего одно происшествие, и Агата сняла замки` с запертой в пыльном чулане мечты.

Служанка, решив однажды сократить путь от главного корпуса замка до внутреннего малого двора, приспособленного под прачечную, стала свидетельницей занятной картины. На окраине сада королевская дочь крепко ухватилась за ствол рябины примерно в полуметре от земли. Истошно орущий котенок, вцепившийся в волосы ее высочества, не оставлял сомнений в том, кто всему виной.

Адалин стойко терпела панику животного, но в ее глазах явно читался ужас – похоже, храбрости, копившейся в ней годами, хватило только на то, чтобы залезть на дерево, а вот о спуске она явно не подумала.

Агата старалась не смеяться, помогая госпоже спуститься на землю в охапку с трофеем. Служанка прилично испачкалась, а про Адалин и говорить нечего – принцесса словно побывала на поле боя и чудом выжила. И только котенок, явно не оценив подвига, удрал от своей спасительницы, едва его лапы коснулись земли. Агата ожидала от госпожи чего угодно – крика, гнева, на худой конец безразличия, но только не смеха, что неожиданно разлился по внутреннему двору. Принцесса смеялась, глядя вслед маленькому созданию, которое явно не спешило встречаться с кошачьими Санкти. Адалин, приглаживая растрепанные волосы рукой, впервые разделила радость с оказавшейся рядом служанкой.
И Агата оценила момент по достоинству.

С тех пор и началась хрупкая дружба между двумя девушками – опасливая, робкая, но подающая большие надежды.

* * *

Его величество король Антоний, двадцать третий правитель в своем роду, перевел настороженный взгляд на другой конец длинного стола, заставленного горячими блюдами и яркими цветочными букетами. Там Габор, его советник, вел беседу со служителями городского храма. Габор, невысокий черноволосый мужчина, доживавший уже пятый десяток лет, – один из пяти приближенных, от которых у его величества скрипели зубы. Король был вынужден терпеть его подле себя, как и многих других льстецов. Но у Габора было несомненное преимущество – недавно он нашел управу на монахов в храме у озера, том самом пристанище веры, которое снилось королю в кошмарах. Сколько ночей он просыпался в поту под гул бездушных голосов, просивших озеро принять кровь его дочери, чтобы возродить магию на этой земле.

Антоний желал, чтобы вместо его ребенка у ритуальной чаши оказалось тело одного из льстивых советников. Особенно ярко в таких мечтах вырисовывалось лицо Габора. Монарх даже лично отправился бы вдоль реки к далекому храму, только бы наблюдать подобный обмен.

Мрачные мысли короля прервал семилетний Грегори – второй ребенок в королевской семье. Дернув отца за рукав камзола, он пожаловался:

– Пап, можно я за Адой сбегаю? Мне скучно.

Потрепав любимого отпрыска по голове, Антоний кивнул, стараясь не выказывать охватившей сердце нежности. Он не сводил с Грегори взгляда, пока тот не скрылся за поворотом, бегом преодолев лестницу. Вот он, будущий правитель, чью голову, словно плющ, обовьет корона, как только мальчику исполнится двадцать. Его детской наивности и легкости не суждено продержаться долго – потеря сестры, даже в юном возрасте, покроет тенью его мысли. Пусть она почти не уделяла ему внимания, всегда оставаясь тихой в компании пышущего энергией маленького братца, любовь мальчика была завоевана незаметно как для него самого, так и для его отца. Грегори, избавленный от бремени быть первенцем, рос нормальным и чуточку избалованным мальчиком. Мать Адалин и Грегори рано покинула этот мир, но передала детям все, что было в ней, – ее красота и кроткий характер перешли к старшей дочери, а любовь к жизни и преданность семье достались маленькому принцу.

Король Антоний любил своих детей настолько, насколько позволял ему суровый характер и статус монарха. Неся ответственность за все королевство и каждого подданного, его величество раз за разом ставил долг превыше семьи. И сейчас, когда его дети спускались по лестнице, держась за руки, он в очередной раз осознал, что обязан выплатить этот тяжкий долг: принести любимую дочь в жертву во благо своего королевства.

Принцесса, проводя время за вежливыми беседами с приглашенной к столу знатью, не заметила, как вечер стал ночью, а праздничный ужин неумолимо приблизился к своему завершению. Музыканты отложили инструменты, услышав призыв поднять бокалы. Советник Габор встал и, дождавшись тишины, произнес очередной тост, счет которым Адалин потеряла.

– Ваше королевское Высочество, принцесса Адалин. – Советник почтительно помолчал. – Вы – наша прекрасная надежда, наш драгоценный дар и ключ к мирному светлому будущему. От всей души благодарю вас за вашу жизнь. – В его глазах полыхнул отблеск свечей. – И с разрешения служителей Санкти преподношу вам подарок.

Двое слуг в ливреях внесли небольшой сундук, покрытый тонким резным узором. Разглядеть, что же именно там изображено, Адалин не смогла – слуга поднял крышку, и содержимое сундука полностью завладело ее вниманием. На бархатной подушке покоились десять украшений, по одному на каждый палец. Они назывались когтями – серебряные конусы, которые надетыми закрывают по

две фаланги. Конусы плавно переходили в длинные, сантиметров в десять, когти, так похожие на когти диких животных. На каждом украшении имелась спиралевидная резьба, вдоль которой шла череда неизвестных Адалин символов. К слову, украшениями их звали лишь за неимением другого определения – острые длинные когти не давали и намека на красоту. Первое, что приходило на ум, – опасность.

«Вот и они, – обреченно подумала Адалин. – Когти для смерти».

* * *

– Ваше Высочество, меня зовут Клер, и я буду сопровождать вас в поездке. – Невысокая девушка поклонилась принцессе, и ее русая коса скользнула по плечу.

Адалин кивнула, глядя в окно. С момента, как первый луч солнца ознаменовал начало нового дня, десятки обитателей дворца занялись последним этапом подготовки к вечернему отбытию.

По коридорам бегали лакеи с багажом, а служанки с невероятной скоростью и чуть заметной дрожью в руках собирали необходимое для дороги. Смотрительница недовольно цокала языком, подгоняла наиболее медлительных, бранилась на провинившихся. Приготовления и не думали заканчиваться – в глазах Адалин суматоха слилась в один монотонный поток мельтешащих перед глазами людей. Новые служанки, которым выпала честь сопровождать Адалин, на протяжении всего дня выкраивали минутку для личного знакомства с принцессой. Одной из них была Клер – спокойная и собранная девушка, которая сообщила принцессе, что король ожидает дочь в картинной галерее.

Расторопные служанки уже облачили Адалин в дорожный наряд: алое платье с вышитыми серебряными нитками грозными орлами. Вкупе с металлическими когтями на пальцах ее одеяние выглядело законченной картиной. Неудивительно, что эту хищную птицу так часто изображали на королевских нарядах. «Символика, традиция», – устало подытожила Адалин, открывая двери галереи. Запястья противно потянуло – руки никак не хотели привыкать к когтям.

Галерея была пронизана лучами заходящего солнца, а его величество стоял у окна внушительной черной тенью. Его взгляд был обращен к картине, на которой Адалин узнала свою мать. В галерее помимо отца принцесса заметила двух стражей, склонившихся перед ней, едва она переступила порог комнаты.

Адалин присмотрелась к новым лицам. Она определенно уже видела в замке юношу, облаченного в походную форму, – на его смутно знакомом лице не заметно было и тени страха; привычка, явно выработанная за годы службы. В его форме преобладали серые оттенки: свободные штаны из шерстяной ткани, стянутые у щиколоток лентами, были на пару тонов светлее аккуратной рубахи с высоким воротником, наглухо закрывающим шею. Адалин знала, что серый цвет предназначался охотникам. А вот его напарник был явно не из замка: длинные, каштанового цвета волосы незнакомца, забранные в хвост, даже немного удивили принцессу. По его одеянию Адалин не могла распознать, чем он занимается: странный, удлиненный халат, накинутый поверх невзрачной темной одежды, напоминал одеяния монахов, чья обитель – далекий храм у гор. Держался молодой человек ровно, но в его позе сквозила некая нервозность, словно он сию секунду жаждал сорваться в путь, навстречу холодному ветру.

– Адалин, – король, обратив на себя внимание дочери, перешел к делу: – Это – твоя охрана.

– Ваше Высочество, я заместитель командира отряда, Евандер. – Молодой человек, поправив стоячий воротник темно-зеленого халата, поклонился. – Я буду защищать вас, координировать отряд и сообщать о нашем продвижении королю. Мой напарник, – указал он на стража помоложе, – Альвах. Принцесса, прошу простить вашего стража – он не может представиться сам, так как онемел в юном возрасте. Но не беспокойтесь, – заметив удивление в глазах Адалин, Евандер поспешил оправдать спутника, – Альвах достаточно силен и умен, чтобы защитить вас. Он прекрасный стрелок и в дороге будет незаменим.

Адалин всматривалась в лицо немого стража – он выдержал ее взгляд стойко и с достоинством. Внутри проснулось любопытство – то, что молодой воин ни капли не смутился слов Евандера, вызвало в ней восхищение.

– Отец, а твои рыцари не будут меня сопровождать?

– Нет, – тоном, не терпящим возражений, сказал Антоний. – Силиус отправился к южной границе, а Феликс слишком стар, чтобы преодолеть такую дорогу. – Подойдя к дочери, король, на секунду замешкавшись, положил руку ей на плечо. – Не думай о тех, кто отслужил свое. Твоей охране нужно быть сильной и ловкой, хорошо соображать и быстро принимать решения. Наши хваленые рыцари слишком отъелись, почивая на лаврах своих давних достижений. Пришло время новых имен. Свободны, – обратился король к новоявленной охране. – И ты тоже, дочь. Успей завершить все дела до отъезда. – Антоний повернулся обратно к картине, давая понять, что разговор окончен.

– Как будет угодно Вашему Величеству, – покорно склонила голову принцесса.

* * *

Спеша по длинным коридорам, Евандер в сопровождении своего немого спутника, с которым его познакомил Ролло, думал о том, что взволновало даже молодую принцессу. Почему защиту единственной дочери короля поручили таким, как он? Рыцарь Силиус, хоть и отбыл к южной границе королевства, был возмущен и, кажется, до предела обижен таким назначением. А Феликс, этот «старик», еще весной выиграл рыцарский турнир. Поговаривали, что Феликс, чье имя было синонимом удачи и надежности, услышав о своем отстранении от эскорта принцессы, не сдерживал бранную ругань. Решение короля, которого тот знал с далекой юности, удивило даже бывалого воина.

Евандер, страж без рыцарского звания, считал себя человеком исполнительным и неглупым. Сопровождение принцессы к далекому храму казалось ему отличным шансом показать себя и познакомиться с лучшими рыцарями королевства. Правда, с последним вышла осечка – просмотрев список стражей для защиты принцессы, он с трудом нашел лишь одно знакомое имя. Но от работы с этим человеком, которого он хорошо знал и кем восхищался, Евандер не смог отказаться.

– Винсент! – помахал рукой молодой человек, спускаясь во двор к командиру отряда. – Все гоняешь парней? – Он посмотрел на притихших солдат, выстроившихся в шеренгу перед грозовой тучей, что странным образом имела лицо и фигуру человека. Его друг был полностью готов к отъезду: на плечах Винсента красовался новый плащ, который все равно по окончании путешествия окажется непригодным. Но правила требовали от них представительного вида,

и Винсент не жаждал спорить с Ролло, который следил за каждым его шагом.

– Проверяю готовность, – голос командира звучал недовольно. Пообещав себе, что никто из присутствующих никуда не уйдет без осмотра личного арсенала, Винсент повернулся к старому знакомому. – Ты уже видел принцессу?

– Да, она хороша, как чистое небо на рассвете, – ухмыльнулся Евандер. – Тонка, грациозна… мучиться тебе с ней предстоит, зуб даю. Наверняка спесива.

– Меня больше интересует, не сбежит ли. – Заметив настороженный взгляд Альваха, который тенью замер подле Евандера, командир обратился к немому юноше: – Проверь, погружена ли провизия, и найди Леверна. Иначе уедем без него.

– Может, я лучше… – Евандер не договорил, поймав взгляд командира. Альвах коротко кивнул и бодрым шагом направился в сторону кухни. Евандер отметил про себя покорность стрелка – тот и глазом не моргнул, а ведь Винсент не скрывал желания избавиться от лишних ушей.

– Ты не можешь работать его личным попугаем, Евандер. – Винсент потер пальцем переносицу, решив, что стоит смягчить ситуацию. – Он с нами едет не место лишнее занимать. Парень умеет задавать вопросы и получать на них ответы. Бумага и карандаш всегда под рукой, а неудобства – его забота. – И командир, мигом утративший добрый настрой, вернулся к воинам, которые успели расслабиться, пока его внимание было обращено к новичку. Винсент понимал, что Евандер сочувствует Альваху, но это вызывало у него раздражение. Сочувствие – худшее, что можно предложить человеку, обделенному природой.

* * *

Клер наблюдала сквозь высокие створчатые окна за тем, как служанки, стражи, поварихи и другие сопровождающие рассаживаются по каретам и лошадям, понимая, что и ей пора спускаться. Оглядев огромную кухню, служанка проверила, не стоит ли где забытая корзина с едой, и с облегчением вздохнула. Клер была так взволнована – предстоящее путешествие манило неизведанным, и сердце радостно билось в такт мелькающим в голове картинам. Она сняла со

спинки стула теплый плащ, отороченный лисьим мехом, поправила золотой медальон на шее и направилась к выходу. Уже в дверях Клер столкнулась с невысоким, стройным юношей. Губы его расплылись в доброй улыбке, а глаза просветлели. Альвах, взяв Клер за руку, коснулся губами ее щеки.

– Аль! – обрадовалась Клер и обняла молодого человека, крепко сжимая руки вокруг его шеи. – Что случилось? Почему ты не с командиром? Ищешь кого? – Клер, как всегда, догадывалась, чего он хочет, быстрее, чем Альвах успевал об этом написать.

Альвах, которого девушка с любовью называла Аль, приходился ей родным братом и был старше всего на год. Брат и сестра, находя друг в друге опору и поддержку, общались на каком-то подсознательном уровне – Клер не оставляла Аля ни на день после того, как он потерял голос. Она с поистине материнской заботой всегда берегла брата, который был лишен радости нормального общения с людьми. В свою очередь, Альвах всегда чувствовал необходимость защищать сестру, как защищал бы ее отец, будь он с ними. Плохих историй за плечами этих двоих было много, но горевать они особо не любили – жизнь оставила им самый драгоценный дар, которого с лихвой хватало для счастья, – друг друга.

Стрелок протянул сестре маленький прямоугольник бумаги, на котором значилось одно имя. Леверн.

Клер вздохнула.

Леверна она знала не хуже брата, и этот ураган эмоций, удивительно сочетающихся в одном человеке, доставлял ей немало хлопот на протяжении всей жизни. Хотя радости от названного брата, не растерявшего юношеского очарования, было не меньше – он был крайне гармоничной натурой.

– Видела я твоего пропавшего. В кладовой отсыпается, перегулял вчера наш любитель приключений. Кладовщик поутру из него чуть душу не вытряс, а Леверн храпел как ни в чем не бывало, уткнувшись лицом в мешок с мукой.

Обняв Альваха, которому еще предстояло разбудить рыцаря, Клер направилась за принцессой. Время вышло, и пора ее высочеству покинуть замок.

Служанка нашла госпожу в саду под сенью рябины: принцесса сидела на скамье в одиночестве, надеясь, что в последние утекающие минуты ей удастся, наконец, разрыдаться, но ни слез, ни даже намека на волнение выдавить не получалось – Адалин практически никогда не испытывала эмоций. Она не спешила покидать родной дом, хотя знала, что ее ищут, а время для прощаний давно прошло. Словно был дом, и нет его, а она – только сторонний наблюдатель и к своему пути не имеет никакого отношения. Такое безразличие, завладевшее всем ее нутром, Адалин было противно.

Увидев служанку, принцесса встала со скамьи и, не оглядываясь на любимый уголок, направилась к внешнему двору. Прощаться с тем, что ей и так никогда не принадлежало, она устала.

Во внешнем дворе процессия уже была готова, а дворцовая знать любопытно выглядывала из окон – провожать первенца к воротам замка полагалось только членам королевской семьи. Но за воротами вдоль главной улицы выстроились толпы горожан, желающих воочию увидеть, как монаршая дочь в алом одеянии покидает столицу в первый и последний раз. Традиции велели осветить дорогу жертве, и тысячи свечей в руках людей, стоявших по обе стороны дороги, сейчас походили на огненную нить, что прокладывала путь, отрезая любую возможность для побега.

Король вместе с младшим сыном ждали принцессу рядом с каретой. Адалин отвела взгляд, оттягивая момент прощания с братом, как оттягивают принятие горького, но необходимого лекарства. Вот по другую сторону от кареты стоит темноволосый мужчина с крайне хмурым взглядом, пряча руки в дорожном плаще. Рядом с ним, поодаль от запряженных лошадей, остановились двое стражников, которых представили ей уже сегодня, и один новый – очень бледный молодой человек, неблагоразумно облаченный в светлый плащ. Все, завидев принцессу, склонили головы, а Грегори громко всхлипнул. Подойдя к отцу, Адалин затаила дыхание и опустила взгляд. В глазах Грега стояли слезы, но он как будущий правитель мужественно сдерживал рыдания. Схватив сестру за руку, маленький принц отдал ей зажатую в ладошке глиняную звезду.

– Ада, – мальчик хлюпнул носом, – возьми звездочку. Она тебе в пути светить будет, а когда дойдешь, – принц шумно вздохнул, – отдай звездочку маме, хорошо?

Адалин, вздрогнув, аккуратно положила руку на плечо брату, стараясь не задеть его сияющими в свете факелов когтями.

– Обязательно, братик.

Для отца, который хранил молчание, демонстрируя королевскую сдержанность, у принцессы было не много слов:

– Я выполню обещание, данное вами, Ваше Величество. – И, склонившись перед королем, Адалин добавила: – Отец.

Дождавшись, пока подопечная сядет в карету, Винсент вскочил на лошадь и под звук открывающихся ворот приказал кучерам:

– Вперед!

Процессия, оживая, выехала за пределы замка навстречу шумной толпе, которая приветствовала жертву и одновременно прощалась с ней.

Путешествие началось.

#2. Огонь и стрелы

Вся процессия двигалась в быстром темпе – оглянувшись назад, вряд ли кто мог бы разглядеть гряду остроконечных городских крыш или силуэт замка. Только бескрайние поля за спинами, вольные ветры вокруг и большой лес впереди. Яркое полуденное солнце слепило глаза командиру, когда он обходил лагерь, отмечая про себя сноровку отобранных для путешествия людей, – хоть палатки и ставили на скорую руку, со стороны они выглядели куда лучше тех, которыми довольствовался Винсент во времена военных походов. Евандер в другом конце лагеря следил за поварами, готовившими ужин: большой костер, разведенный подальше от высоких деревьев, весело потрескивал, разогревая сразу три огромных казана с ароматным супом. Запах еды приманивал охрану, словно огонь – бабочек, и Винсент наблюдал, как круг за кругом сторожат костер по меньшей мере семеро проголодавшихся парней. Командир собирался было

разогнать их, но его отвлек знакомый недовольный голос. На опушке леса Винсент приметил спесивого рыцаря с другом. Стражи привязывали поводья лошадей к стволу высокой ели, и в голову командиру пробралась дурная догадка.

– Альвах, – позвал Винсент, подходя ближе. На имя друга мгновенно отозвался внук Ролло, и его взгляд полоснул по лицу командира – настолько явно горели неприязнью голубые глаза. Винсент, прищурившись, проигнорировал вызов: – Проскачи по дороге вперед и выясни, пройдут ли там кареты и повозки. И не жалей стрел, если приметишь дичь.

Альвах, кинув предупреждающий взгляд на Леверна, отвязал поводья и направился к дороге. Лес рядом встретил его тихим шелестом, прокатившимся по верхушкам деревьев. Альвах, вглядываясь в высокие лиственницы, поднял глаза к верхушкам желтых крон, листья с которых готовы были сорваться от едва усилившегося ветра. Осень царствовала в эти дни. Однако в чаще время года теряло свою власть – высокие пихты оставались неизменно зелеными, распространяя свежий хвойный запах.

На опушке же спокойствием и не пахло. Леверн бросил злой взгляд на человека, который лишь по чьей-то прихоти стал командиром отряда. Не скрывая враждебности, рыцарь обратился к старшему по званию:

– Пока ваше командирское благородие бродили по окрестностям и любовались птицами, мы с Альвахом уже осмотрели дороги. В получасе езды отсюда на тракт свалилось огромное дерево. Его уже, по моему приказу, убирают стражи. – Леверн не старался скрыть и надменность, довольный тем, что среагировал раньше командира.

– Я разве отдавал тебе приказ? – холодно спросил Винсент, проклиная про себя заносчивого рыцаря. Не будь тот родственником Ролло, разговор был бы совсем другим. Один раз простив его выходку, Винсент допустил ошибку и не собирался повторять ее снова. – Или внука Ролло не учили субординации?

Перехватив направляющийся в него кулак, Винсент не без усилий скрутил Леверна, поспешно решив про себя, что реакция у заносчивого родственника Ролло посредственная. Понадобилось немало сил, чтобы наглый страж, который был выше него, не вырвался, и Винсент, нагнувшись к противнику, прорычал ему

на ухо:

– Мне плевать, как к тебе относились прихвостни Ролло в замке. Сейчас ты в моем отряде, а значит, будешь вести себя примерно. Сначала слушать, что я говорю, а потом делать, как я говорю. Или я тебя вышвырну из отряда и отправлю домой к дедушке. Можешь ему пожаловаться, какой злой дядя тобой командовал. Старик и ухом не поведет, он об этом мне сам сказал. – Отталкивая от себя багрового от злости рыцаря, командир добавил: – Ты не в трактир с подпевалами путь держишь. Соблюдай правила и не усложняй жизнь себе и другим.

Рука Леверна потянулась к рукояти меча. Винсент, стараясь не выказывать своего удивления, предупредил:

– Подумай, что творишь, умник. Вылетишь за подобное вмиг не только из отряда, но и из гвардии. Лучше догони друга, который по твоей милости вместо отдыха плутает по лесу. Остального я не видел.

Командир поспешил прочь от Леверна, жалея, что с этим умалишенным ему придется возиться больше, чем он изначально рассчитывал. Необходимости в подобном охраннике для принцессы он не видел и злился, что вынужден терпеть этого наглеца благодаря его родственным связям. «У белобрысого явно не все дома, раз рискнул напасть на главнокомандующего». Всего двадцать три года от роду, а нервы – словно натянутые струны в руках бездарного музыканта.

Винсента во время обхода лагеря перехватил коренастый посыльный. Юноша доложил, что принцесса, чей шатер был расположен в центре лагеря прямо напротив палатки командира, желает его видеть. Винсент совершенно некстати вспомнил, что самой принцессе он за два дня так и не представился из-за огромного количества дел. Не дойдя до палатки нескольких шагов, он услышал женский крик и, скидывая на ходу плащ, со всех ног бросился вниз по склону к реке – кажется, именно оттуда и доносился звук. Картина, представшая глазам, заставила его нервно сглотнуть.

У самой кромки воды стояла принцесса. Девушка осторожно размахивала одной рукой, отгоняя от себя испуганных служанок и вооруженных охранников. Взгляд ее был обращен ко второй руке, на которой умостился, словно на насест, большой орел. Хищная птица не сводила немигающего взора с принцессы, но

Адалин совсем не боялась.

Сколько интереса было в ее глазах!

Словно орел, балансирующий на ее дрожащей руке, был диковинкой, с которой ей не терпелось разобраться.

Птица, потревожив отдыхавшую у воды принцессу, не собиралась причинять ей вред. Адалин удостоверилась в этом, заметив футляр с письмом, привязанный к лапе орла.

– Кто же тебя вместо посыльного голубя использует, – удивилась дочь короля, пробуя осторожно вытянуть из футляра письмо. Но пальцы с надетыми украшениями-когтями еще плохо слушались ее, и аккуратно извлечь послание не вышло – коготь на указательном пальце царапнул жилистую лапу птицы. В ту же секунду орел утратил свое величественное спокойствие. Пронзительно вскрикнув, он взмыл в воздух, яростно хлопая крыльями, а принцесса, испугавшись, упала на землю, закрыв голову руками.

– Алерайо! – Винсент ринулся к принцессе, заслоняя ее от беснующейся в воздухе птицы. – Прочь! – крикнул он орлу, и тот подчинился. Командир опустился на одно колено, протягивая руку Адалин.

– Вы целы, Ваше Высочество?

– Это… ваша птица? – с удивлением спросила принцесса. – Орел вас послушался и улетел. Вы дрессируете птиц? Кто вы? – Адалин не понимала, почему раненая птица не напала на обидчицу. Схватившись за крепкую руку командира, она поднялась, ощущая странное покалывание ниже локтя.

– Я командир вашего отряда – Винсент, – наконец представился он и склонил голову, надеясь, что ему дадут договорить прежде, чем завалят обвинениями. – Я не дрессирую птиц, но эта действительно моя. Мне очень жаль, что она напугала вас. Обычно Алерайо не путает адресата – письмо в его лапах предназначалось мне.

– Как странно… – бормотала Адалин, словно забыв о собеседнике, который в недоумении ждал от нее хоть какой-то реакции. Правую руку непривычно щипало, рукав алого платья, в который вцепилась птица, оказался разорван. Присмотревшись, Адалин поняла, что рука исцарапана, а горячая кожа влажная от крови. – Боли совсем не чувствую, – сказала она командиру, увидев его тревогу.

– Чего вы встали? – прикрикнув на замерших неподалеку служанок, Винсент предложил принцессе руку, и они стали подниматься вверх по склону. – Лекаря в шатер принцессы, мигом!

Винсент взглядом нашел среди охраны своего заместителя:

– Евандер, найди Алерайо, забери письмо и отправь его подальше – пусть пока к лагерю не приближается. И… – покосившись на принцессу, он осторожно добавил: – Проверь, не глубока ли рана.

А про себя продолжил: «И пары дней не прошло, а принцесса под моей охраной уже ранена. Поздравляю, командир. Первая победа».

* * *

Вечером, когда шумиха по поводу раненой принцессы поутихла, а орел по приказу хозяина в лагере не показывался, Винсент сидел подле костра и задумчиво вычерчивал палкой на земле одному ему ведомые схемы. После того как рана принцессы была обработана, ему пришлось выслушать множество возмущений практически от всех, начиная с лекарей и заканчивая Евандером. Командир вяло размышлял о том, что такой прокол случился в принципе не по его вине. К его удивлению, принцесса решила не наказывать птицу и запретила так рьяно порывающемуся Леверну подстрелить орла. Рыцарь настаивал на своем, и лихорадочный блеск в его глазах заставлял Винсента сильнее сжимать кулаки. Но он молчал, ведь ему не хотелось в присутствии госпожи выставлять себя командиром, который не способен справиться с подчиненными. Да и буйный Леверн мигом присмирел под взглядом служанки – той самой, чей крик командир услышал у реки. Кротость в глазах рыцаря удивила Винсента. Подумав, что нужно будет разобраться с методами усмирения внука Ролло, командир решил еще раз обойти охрану и лечь спать – неприятностей ему на сегодня хватит.

Подойдя к стражам, которые зорко осматривали дорогу и окрестности, Винсент кивком приветствовал подчиненных. Заметив краем глаза движение, он вытянул руку в длинной перчатке из грубой кожи – на нее тут же сел Алерайо, обратив свой немигающий взгляд на хозяина.

– Наделал же ты сегодня шуму, дружище. – Птица нередко удостаивалась этого тихого, непривычно ласкового для других, голоса. Но Винсент не мог иначе. Он не мог вспомнить, в какой из туманных дней прошлого в его жизни появился этот орел и когда дикая птица стала ему так дорога. Воспоминания ускользали, свою жизнь до пятнадцати лет командир помнил смутно, и только один факт он не подвергал сомнениям – родился он не здесь. Кто бы что ни говорил про бесконечный песок, про единственное место для жизни среди золотых просторов, Винсент продолжал верить, что его дом где-то за пустыней. Как ни старался он вспомнить и разузнать о своей семье, все попытки заканчивались неудачей. Те, кто знал его в юном возрасте, поговаривали, что он пришел из смертельной пустыни. Но как мальчишка оказался там, как нашел дорогу к людям, откуда взялась птица, следовавшая за ним с самого первого дня в королевстве, – ответить никто не мог. В поисках приюта и пропитания Винсент устроился разнорабочим на постоялый двор. Хозяевам было плевать, кто он и откуда, – работать найденыш может, а остальное неважно. Только бы его птица не отпугивала посетителей.

Хотя Винсента и окружали слухи, которые молниеносно разнеслись по южной столице, это не испортило ему жизни. Кривотолки вскоре утихли, и о странном подростке начали забывать. Пусть в последующие годы его еще не раз пытались обвинить на почве сомнительного происхождения, Винсент пережил все нападки.

С тех пор прошло двенадцать лет, работа у него поменялась уже не раз, а о прошлом он больше не вспоминал, как и не искал родной дом, предпочитая довольствоваться тем, что имел. Только верная птица была всегда рядом, и Винсент надеялся, что она еще долгие годы будет парить над его головой.

* * *

Клер аккуратно опустила полог, отгораживая покой принцессы от внешнего мира. Кивнув стражу, который внимательно вгляделся в ее лицо, служанка

поспешила к палатке, выделенной для прислуги. Принцесса после сегодняшнего инцидента приятно удивила ее: все знатные дамы, которым когда-то прислуживала Клер, немедля и с истерическими криками приказали бы казнить птицу, нанесшую вред их драгоценным телам.

Тихо ступая по спящему лагерю, Клер старалась не бежать – так сильно ей хотелось поскорее опустить голову на подушку. Вдруг чьи-то сильные руки обхватили ее и оторвали от земли. Крик застрял в горле, но через несколько секунд испуг сменился гневом – она узнала заливистый смех человека, который позволил себе так бесцеремонно с ней обращаться.

– Леверн, – протянула Клер, вызывая еще больше довольного хохота у друга. – Доиграешься, что не только Аль с тобой разговаривать не будет.

Пропустив ее слова мимо ушей, Леверн развернул девушку к себе и обнял. Служанка при своем низком росте едва доставала ему макушкой до плеча, и это каждый раз вызывало в рыцаре волну умиления. Молодой человек радовался, и это чувство делало легкомысленного стража еще больше похожим на ребенка.

– Сестренка, ты столько времени меня игнорировала, я даже обидеться успел! – скорчив гримасу, Леверн пытался давить на жалость. – Я весь день бегаю, стараюсь поймать милую Клер, а она вечно занята! Решила работать за троих? – Выпустив названную сестру из объятий, Леверн с нежностью посмотрел на нее. Красивые, миндалевидные глаза и круглое личико, мягкие русые волосы, заплетенные в пушистую косу, – ее облик отзывался в сердце теплотой, которую так любил рыцарь. Много лет назад она стала для него настоящей семьей.

Клер усмехнулась, и, выписав подхалиму шуточный удар, парировала:

– Это ты, видимо, решил взбесить своего командира за рекордно короткое время? – Клер с тревогой посмотрела на Леверна. – Леверн, именно об этом я и думала с тобой поговорить. Почему ты на рожон лезешь? Неужели и без того не хватает неприятностей? Думал, я не замечу, как ты командира из себя пытаешься вывести? Зачем? – задала главный вопрос названная сестра и замолчала в ожидании ответа.

– Клер… – Рыцарь озадаченно почесал шею. Отшучиваться – одно, но когда близкий человек всерьез волнуется за тебя, тут уже не до шуток. – Я был зол, –

начал он, досадливо пнув ногой камешек на дороге. Они не спеша направлялись к палатке служанок. – Дед обещал, что доверит мне командование отрядом. Я был готов и от такого шанса отказываться не собирался – и вот! Передо мной стоит этот хмырь и заявляет, что будет командовать мной! Кто он, откуда и почему ему доверили жизнь принцессы – дед не объяснил ничего, уверенный, что я молча смирюсь с этим. И он Аля, твоего Аля, гоняет как мальчишку! – применил главный козырь Леверн в надежде переманить ее на свою сторону.

– И ты сразу решил показать ни в чем не повинному человеку, где и проклятым Тенебрис холодно будет, – выдохнула Клер, сдерживая осуждающий тон.

Леверн не стал юлить и выложил все как есть, а потому названной сестре больше не хотелось ругать его.

– Как был ребенком, так и остался, только вот, – Клер приподнялась на цыпочки и вытянутой рукой потрепала светлую шевелюру друга, – погладить по голове тебя уже намного сложнее.

– Я уже не ребенок, – нахмурившись, произнес Леверн, отстраняя руку Клер. Ее безобидные слова заставили рыцаря растерять всю веселость. Он смотрел на девушку, которую привык защищать, как и ее родного брата. Она тоже выросла и из маленькой смешной девчонки с заразительным смехом превратилась в молодую девушку с необычайно мягкими руками. Леверн, вглядываясь в глаза притихшей Клер, пытался понять, почему от ее слов стало так обидно. Почему в ее взгляде сомнение – неужели она в нем так не уверена?

Решив, что сейчас разбираться нет смысла, рыцарь присел на одно колено и, с улыбкой глядя на подругу, сказал:

– Так удобнее? Клер, а Клер, давай ты будешь принцессой, а я – твоей служанкой! – Взгляд ее мгновенно просветлел, и Леверн воодушевленно продолжил: – Что там вы обычно для них делаете? Кормите, убираете. – Клер захохотала, представляя молодого рыцаря, воинственно размахивающего тряпкой. – Переодеваете? – Клер засмеялась еще громче, в то время как молодой человек мигом представил, с какой легкостью Альвах оторвет ему за такое голову. Он хоть был и спокойным человеком, но обидчики сестры знали, на что Альвах способен ради нее. Кроме одного, но о нем, посерьезнев вмиг от неприятных воспоминаний, Леверн предпочитал не думать.

– Пойдем, маленьким девочкам давно пора спать. – Клер еще больше развеселилась, а Леверн подумал, что за ней нужно хорошенько присматривать, чтобы не повторять ошибок прошлого.

И все же ему практически удалось избежать нравоучений от названной сестры. Леверн пообещал себе, что постарается найти общий язык с командиром и не огорчать тех, кому он так дорог.

* * *

Утро нарушило ночной покой Адалин глухим шумом, доносившимся с улицы. Сонно приоткрыв глаза, принцесса увидела Клер, возле которой наготове стоял таз с теплой водой.

– Доброе утро, Ваше Высочество. Лагерь готовится к отбытию, скоро вас посетит лекарь, а пока позвольте вам помочь привести себя в порядок.

Со всеми утренними хлопотами сопровождающая ее служанка справлялась легко, что радовало.

Адалин спокойно стояла, пока Клер занималась золотыми пуговицами на платье. Принцесса и раньше одевалась не сама – для этого к ней были приставлены служанки – а теперь, с надетыми ритуальными когтями, она и вовсе ощущала себя беспомощной. Даже пуговицу на дорожном плаще не удавалось расстегнуть – когти норовили разорвать красивую ткань и расцарапать кожу. Адалин только начала привыкать к своим новым украшениям – они были далеко не игрушкой, и обращаться с реликвией приходилось аккуратно. Когти, необходимые для ритуала, были в единственном экземпляре, и все предыдущие жертвы носили их, а после Адалин реликвия перейдет к первенцу нового монарха. Образ маленького Грегори всплыл перед глазами. Адалин была уготована участь покинуть семью в раннем возрасте, Грегори же – познать потерю собственного ребенка годы спустя. Оба отпрыска монарха прокляты, и каждый житель королевства знает это и живет как ни в чем не бывало.

Когти были созданы со специальной системой замочков, с помощью которых можно было регулировать диаметр конусов под нового владельца, дабы они прилегали максимально плотно, но не приносили вреда раньше положенного

времени. Только вот, надев когти, снять их самостоятельно, без ритуала, уже невозможно. Потому Адалин и носилась с неудобной реликвией, страдая от боли в запястьях. Хотя украшения и не были тяжелыми, но руки с непривычки казались неподъемными и управлять ими было очень сложно.

«Все неудобства временны», – убеждала себя принцесса. Каждую ночь, закрывая глаза, она мечтала, чтобы поскорее настало утро, а за ним сразу вечер. Вот бы дни мелькали перед глазами быстро, словно крылья бабочки, тогда белые стены храма окажутся близко и наконец успокоят ее взволнованную душу.

– Волосы уложены, – слова второй служанки вырвали Адалин из дремы, которая незаметно охватила ее.

Девушку с темными, как у принцессы, волосами, звали Нереида, и она была помощницей наравне с Клер. Девушки несли ответственность за внешний вид принцессы. Остальные служанки четко выполняли поставленные Клер и Нереидой задачи, а сами девушки, сменяя при необходимости друг друга, никогда не оставляли госпожу одну. Кивнув, Адалин попросила позвать лекаря. Ей хотелось поскорее пережить визит суматошного, вечно взволнованного дядюшки.

К счастью, лекарь не долго мучил принцессу. Убедившись, что с осмотром раны ее высочества покончено, Нереида отправилась на поиски командира. Принцесса была готова, лагерь уже свернулся, и людям, что в суматохе собирали последние вещи, не терпелось двинуться в путь. Задумавшись, Нереида случайно наткнулась на Евандера. Леверн, хмурый, стоял рядом. «Не иначе как не с той ноги встал», – подумала Нереида.

– Передайте командиру, что принцесса готова. Мы можем отправляться. – Ее голос был спокоен, а подбородок вздернут – служанка чувствовала себя уверенно в компании малознакомого ей мужчины и рыцаря, которого, кажется, каждая собака на сотни километров вокруг знает.

– Как рана Ее Высочества? – поинтересовался Евандер, разглядывая служанку принцессы. Он старался запомнить каждого, с кем работал, особенно приближенных ее высочества. Еще до прибытия в замок Евандер ознакомился с информацией о каждом участнике путешествия, вот только в лицо знал немногих. – И как ваше имя? – добавил он.

Леверн сдавленно усмехнулся и бросил косой взгляд на Евандера, которого заинтересовала Нереида. Евандер ему нравился значительно больше, нежели командир, – он был одним из немногих, кто сразу, без всяких насмешек, хорошо отнесся к Альваху и не обсуждал за спиной физический недостаток стрелка, которому зазорно представлять «сильнейших воинов королевства», отобранных для путешествия. Леверн, опережая служанку принцессы, заявил:

– Ее имя Нереида, вторая сопровождающая принцессы, дочь книгочея Маттиаса – хранителя королевской библиотеки. Несносный характер, шило в… – не успев договорить, Леверн осекся – глаза девушки горели словно огонь из пасти проклятых Тенебрис. – В общем, ты с ней осторожнее! – прокричал на бегу довольный рыцарь, а вслед ему доносились нелестные отзывы Нереиды. Девчонка была хороша, только своенравна: поцелуи с ней были словно нескончаемый поединок – только заканчивался один, как сразу начинался другой. И Леверн обожал проигрывать.

– Эх, дружище Ев, берегись, – ухмыльнулся рыцарь и пошел искать командира, которому давно пора сдвинуть с места это подобие лагеря.

Нереида не скрывала злости, глядя вслед Леверну, с которым ее связывало несколько личных историй. Он неизменно вызывал ярость и даже некоторое подобие ненависти в Нереиде – эмоции сильные, которые заставляли с каждым разом крепче обнимать его спину, намеренно расцарапывая ее. Обычно в замке, где редко можно было застать внука начальника королевской стражи, на него шла негласная охота – почти каждая молодая дама мечтала пасть его очередной жертвой. В этой игре Нереиде не было равных. Мало кто знал о ее встречах с Леверном – дочери книгочея был намного приятнее вкус тайной победы, нежели овации восхищенных подруг и зависть соперниц. Но она не любила Леверна и цели удержать его не ставила. Гораздо интереснее играть с диким животным на свободе, чем губить его в клетке. Возможно, именно это и было оружием, которое сразило рыцаря.

Повернувшись к Евандеру, служанка невозмутимо ответила:

– Рана принцессы неглубока, уже не кровоточит. Лекарь внимательно следит за ней, и досадное происшествие не помешает отбытию.

Нереида пошла прочь, но, развернувшись, бросила длинноволосому стражу:

– А как вас зовут? – Евандеру польстили нотки заинтересованности в голосе девушки.

– Евандер.

– Будем знакомы. – Нереида, едва растянув губы в улыбке, направилась к карете, в которой уже сидела госпожа.

* * *

– Команди-и-ир! Ваше командирское высочество! Ваше повелительное сиятельство! – Леверн упражнялся в красноречии, и настроение его с каждой секундой улучшалось.

– Чего разорался? – Винсент вместе с Альвахом остановился напротив светловолосой проблемы и, сложив руки на груди, готовился к новой стычке.

– Все готовы, можем двигаться в путь! – возвестил Леверн, улыбаясь во весь рот, словно перед ним стоял дорогой друг, с которым настало время выпить.

– Рана принцессы заживает, в пути проблем быть не должно, – доложил Евандер командиру, после чего дружеским жестом отсалютовал улыбающемуся Альваху.

– Хорошо, тогда по коням.

– Слушаюсь, ваше указательство! – Чопорно поклонившись, Леверн первым покинул компанию, пятясь к лагерю.

– Шут, – бросил ему в след Винсент, про себя отмечая, что рыцарь сменил тактику – похоже, отныне он будет доставать его наигранным подчинением.

Альвах, зная о выходках своего лучшего друга, не прятал улыбки. Убрав лук за спину, он думал о том, что Леверн по природе своей не может ненавидеть людей. Он быстро вскипал, но так же быстро остывал. Безразличие, презрение, неодобрение – да, но ненависти удостаивались единицы. Этот парень рано или поздно располагал к себе людей. Поэтому Альвах не сомневался, что если

Леверн постарается, то ему удастся завязать дружеские отношения с командиром.

«Нужно спросить у сестры, не она ли Леверна приструнила», – промелькнуло в голове у стража.

Но чутье и так подсказывало, что злость с лица друга стерла мягкая рука Клер.

* * *

Лес Остракон раскинулся по обе стороны реки Дракона, огромный, как несколько городов вместе взятых. В народе лес называли труднопроходимым, и передвигаться там можно было только по протоптанным дорогам. А если сойдешь с пути – будь уверен, что уже и не выберешься. Много людей считались пропавшими без вести в этих дебрях, а те, кто каким-то чудом возвращались, рассказывали истории о настоящих чудовищах, живущих в чаще. Помимо чудовищ – реальных или выдуманных – в лесу водилась дичь, только вот охота на правом берегу реки была строго запрещена. Для желающих перебраться на другой берег у кромки леса соорудили переправу. Однако не все обходились известным путем: браконьеры в поисках легкой добычи охотились в запрещенной части леса и, скрываясь от лесничих, переплывали реку на маленьких лодках. Большое раздолье для подобного промысла – берега реки изобиловали зарослями, в которых то и дело запутывалась мелкая живность, спустившаяся на водопой.

Через реку неоднократно пытались возвести мост, но каждый раз зодчие терпели неудачу. Вода в реке Дракона порой вела себя непредсказуемо – рельеф дна менялся, а огромные волны сносили деревянные сооружения, и связь между двумя берегами неминуемо оказывалась погребенной в бурных водах. Народ единогласно решил, что на то воля магии – не хочет река, чтобы ее, словно цепи, сковывали мосты.

День уступил права ночи, и лес словно надел маску монстра из страшных историй, которыми загоняют в кровать непослушных детей. На сторожевых постах зажгли дорожные фонари, опасаясь доставать факелы, – никому не хотелось стать причиной лесного пожара.

В темноте Винсент пытался высмотреть другой берег, что тоненькой полоской виднелся где-то вдали. За берегом прятался все тот же лес, уводя свои тропы к дальним городам, вплоть до Западных ворот. Все путешествие им предстояло двигаться вдоль реки, которая, с одной стороны, была для них ориентиром, чтобы не заблудиться, а с другой – таила в себе опасность: ведь если на них нападут, они окажутся взаперти, бежать будет некуда и места для маневров не хватит. Это очень тревожило Винсента. Отгоняя плохие мысли, командир напомнил себе, что врагов у дочери короля нет. Успех путешествия напрямую влиял на жизнь каждого жителя в королевстве, поэтому о сохранности собственной шкуры заботились даже грабители и нападать на принцессу они и не мыслили, сколько золота ни сулило бы им похищение королевской дочери.

Внимательно осматривая петляющую дорогу, командир, привыкший доверять своему чутью, никак не мог отделаться от беспокойства. Приказав Леверну и Альваху не отходить от принцессы, а Евандеру – сбавить темп процессии, командир поскакал вперед выяснить, что именно заставило его насторожиться. И вскоре понял – вокруг было слишком тихо.

Проехав еще немного, Винсент краем уха уловил едва различимый шум. Пришпорив лошадь, он вытащил меч из ножен. Еще пара сотен метров, и за поворотом взору командира открылась дорога, заваленная деревьями, а рядом – группа вооруженных людей, готовая к атаке.

– Засада! – взревел командир, разворачивая лошадь, и стрелы полетели в его сторону. Одна из них попала в бок скакуну, заставив его от боли встать на дыбы и понестись галопом. Винсент, чувствуя, как разогревается кровь в ожидании битвы, стремился к своему отряду как можно быстрее.

Из дебрей один за другим появлялись воины, скрывающие лица за черными повязками, с факелами в руках. Первый крик ужаса, сорвавшийся с губ одной из служанок, словно послужил стартом началу сражения.

Нападавшие не щадили ни людей, ни лошадей. Какой-то глупец в пылу азарта подпалил карету, в которую забились беззащитные женщины. Королевским стражам пришлось работать на два фронта: отбиваться от нападения и вытаскивать кухарок и служанок из горящей кареты. В этом хаосе казалось, что в трезвом уме оставались только воины – им приходилось организовывать тех, кто никогда не видел насилия. Несчастные в ужасе замирали посреди кипящей вокруг бойни, становясь легкой мишенью, и один за другим падали на землю,

пронзенные стрелами.

Самые храбрые воины во главе с Евандером пытались оттеснить врагов от дороги, пока другие, расхватывая лошадей, бросались наутек. Но преимущество было на стороне противников: словно птицы, они устроились на деревьях и отстреливали каждого, кто пытался убежать. Однако вскоре враги оказались в ловушке, созданной своими же руками, – огонь с подпаленной кареты перекинулся на ближайшие деревья, и за пару минут лес у реки заволокло черным дымом. Огонь, не встречая препятствий, полз по верхушкам деревьев. Паника смешала воюющие стороны – главным противником теперь был пожар.

Леверн совершенно бесцеремонно вытащил принцессу из кареты и велел той прижаться к земле. Клер, находившаяся рядом, дрожа от страха, последовала примеру госпожи. Леверн за неимением лука не отходил от принцессы ни на шаг, наблюдая за тем, как чуть поодаль от него, прячась за деревом, Альвах меткими выстрелами останавливает врагов. Рыцарь был собран и, сжимая в руке меч, старался придумать, как им выбраться из огня. Принцесса уже кашляла от дыма, прикрывая лицо рукавом, а в ее глазах виднелся один лишь ужас.

Клер, пронзительно взвизгнув, обернулась – кто-то схватил ее за плечо. Леверн, бросившись на защиту сестры, едва не обезглавил нападающего, которым оказался Винсент. Командир, проследив за тем, как рыцарь опускает свой меч, коротко осведомился:

– Еще живые есть?

– Трое возле другой кареты, и Евандер с парнями, они пытаются расчистить нам путь. – Леверн отчитался быстро, понимая, что пришла пора драться с Винсентом плечом к плечу, иначе никакой другой битвы они больше не увидят.

Командир кивнул.

– Впереди перекрыл дорогу пеший отряд. Пожар расползается в стороны и вглубь леса так, будто сами Тенебрис подкидывают дров. Нужно вернуться обратно, к развилке. Там большой карьер – пожар дальше него не пойдет. Другого пути я не вижу. – Повернувшись к принцессе, он добавил: – Соберитесь. Бегите за мной, головы не поднимайте. Прикрывайте лицо. Четко выполняйте все, что я скажу.

Адалин никак не отреагировала на слова Винсента – только впилась взглядом в его лицо, пытаясь понять, хватит ли у него сил вытащить их из западни.

– Ты Клер, верно? – обратился командир к служанке, сжимающей в руках вытащенную из кареты сумку. – Беги за принцессой и не отставай. Альвах! – Юноша тут же обернулся. – Сними двоих стрелков с деревьев напротив тебя, и вперед к Евандеру!

– Готовы? За мной! – И, прикрывая принцессу, Винсент бросился вправо от кареты. Клер следовала за Леверном, сыпавшим проклятиями; командир, щурясь от едкого дыма, все высматривал Евандера. Вот и он – сражается на мечах сразу с двумя противниками в черных одеждах. Альвах, на пару секунд опередив Винсента, в прыжке свернул голову одному из нападавших, который собирался вонзить меч в Евандера. Тот, благодарно кивнув спасителю, в спешке огляделся – еще минуту назад свободная дорога наполнилась новыми врагами, и их, казалось, совсем не волновала возможная смерть от пожара.

– Не прорвемся! – закричал Евандер, понимая, что голос выдал его отчаяние. – Они оцепили нас со всех сторон. Уходите к воде, мы прикроем! – Перекинув меч из одной руки в другую, он заехал локтем в лицо приближающемуся врагу и всадил клинок ему в живот. Выжившие королевские стражи были согласны с Евандером и бросились ему на подмогу – их лица Винсент старался не запоминать, понимая, что жизни бравых ребят вот-вот прервутся. Но они дали шанс другим уйти к воде, еще пару минут, чтобы найти выход, и будь он проклят, если не использует его.

Альвах, забрав колчан со стрелами у убитого лучника, замкнул отряд командира, и они направились вниз по склону. Немой воин на секунду замешкался, всматриваясь в спину оставшегося Евандера, но все же продолжил спуск. Его долг – защищать принцессу и сестру, до тех пор пока ноги способны стоять на земле.

Винсент спускался к берегу, лихорадочно пытаясь придумать, куда им податься дальше: река была слишком широкой, чтобы ее смог переплыть здоровый и сильный мужчина, не говоря уже о хрупкой принцессе. Возле воды пока не было ни пожара, ни врагов, но это все равно было слабым утешением – они были в ловушке, и если он срочно не придумает, как им взлететь в небеса, то принцесса послужит кормежкой для рыб. Судорожно оглядывая берег, мужчина зацепился

взглядом за нечто, спрятанное в высоких камышах, которые тут и там росли вдоль берега.

– Не может быть… – Он не верил своей удаче. – Лодка, это действительно лодка! – прокричал молодой человек, подбегая к хилому суденышку, спрятанному от чужих глаз. Возле лодки лежала замотанная в ткань туша оленя, но хозяев добычи не наблюдалось.

– Я впервые полюбил браконьеров. – Леверн также не верил своим глазам. – Только вот мы все сюда не поместимся, – подытожил рыцарь, окинув взглядом хлипкую лодку и мгновенно помрачнев.

– Ты плавать умеешь? – вопрос был задан Альваху, и Леверн тут же вскипел.

Увидев утвердительный кивок, Винсент объяснил рыцарю:

– Вёсел нет. Ты, принцесса и служанка сядете в лодку и будете грести руками, а мы с Альвахом вытолкнем лодку с мелководья и после поплывем, держась за борт.

– Я поплыву! – мгновенно вызвался Леверн, видя, как Клер вцепилась в брата.

– Ты поплывешь в лодке, – Винсент чувствовал, как гнев поднимается по горлу. – Мне нужен человек, который сможет защитить принцессу, если я не доплыву! Это не игра, рыцарь, и не все люди одинаково важны. Там сейчас Евандер гибнет, чтобы мы успели сбежать, – думаешь, мне есть дело только до ваших жизней? Принцесса, немедленно садитесь в лодку! – рявкнул мужчина, и Адалин без чьей-либо помощи быстро заняла свое место.

Альвах коснулся руки Клер, и его взгляд ясно говорил о том, что приказов командира он не ослушается. Ей ничего не оставалось, и Клер, молча порицая решение командира, села подле принцессы.

– Аль, если утонешь, я женюсь на Клер, – пригрозил Леверн, вглядываясь в лицо друга. Альвах лишь улыбнулся – он всегда плавал лучше названного брата и считал, что Винсент сделал правильный выбор.

Лодка медленно отплывала, почти незаметная в ночной тьме. Со стороны леса донесся топот – вражеские воины выбежали на берег и тотчас принялись обстреливать отходящее судно огненными стрелами. Командир залез в лодку, закрывая остальных, – девушки в страхе легли на дно, и Винсент схватил лук Альваха и выпустил несколько стрел, задев одного из нападающих. Лодка, колыхнувшись, попала в быстрое течение – бурлящие воды мигом подхватили судно и начали сносить его вдоль течения к центру реки. На берегу кто-то выругался и приказал лучникам целиться лучше.

Пара огненных стрел попала в край лодки, и Альвах подтянулся на руке, намереваясь их потушить. Следующая угодила Алю в плечо, и он, не чувствуя тут же ослабевшей руки, ушел под воду.

– Нет! – в отчаянии закричала Клер, перегибаясь через край лодки. – Аль, ты где? Аль? – Паника душила голос, а юноша все не выныривал. – Я его вытащу, – сказала служанка, и Леверн едва успел повалить на дно лодки намеревающуюся ринуться за братом девушку.

– Из ума выжила? Мы посреди реки, а ты плаваешь не лучше ребенка – хочешь, чтобы я поутру два тела искал?

Клер, захлебываясь от страха, попыталась вырваться, но ее старания были равноценны попытке голыми руками сломать стальные прутья. Леверну некогда было утешать подругу, и он, не колеблясь, четко рассчитанным ударом в солнечное сплетение обездвижил Клер и бережно уложил на дно лодки. Он еще успеет пожалеть об этом, а сейчас главное – выжить. Больше он никого не потеряет, и пусть Тенебрис иссохнут от голода в надежде поживиться его скорбью. И Альваха он найдет – в силы названного брата он верил так же сильно, как и в магию реки – раз она не потопила ни одного браконьерского судна, значит, и к людям, не держащим зла, она отнесется не хуже.

Винсент, все это время державший оборону, отметил, что стрелы врагов перестали до них долетать. Устало присев, он закрыл лицо руками, пытаясь понять, скольких он сегодня потерял и по чьей вине. Лица калейдоскопом проносились перед глазами: верные воины, почти все – молодые; обычные служанки, которые в жизни не держали оружия в руках… Они все остались в горящем лесу, и шансов на их спасение он не видел. А огонь тянулся к самому небу, к тяжелым тучам, и впору было молиться, чтобы как можно скорее пошел дождь, пока еще было что спасать.

Взглянув на притихшего рыцаря, который крепко прижимал к себе Клер, Винсент перевел взгляд на принцессу. Она, обняв колени, сидела возле него, слегка раскачиваясь в такт движению лодки.

– Принцесса, – тихо позвал Винсент. – Вы целы?

Адалин, обратив взгляд на человека, который всеми силами охранял ее, лишь кивнула. Она размышляла, насколько глубока река – достигнет ли тело Альваха ее дна, либо его отнесет к мели, где рано или поздно павшего воина найдут прохожие; встретит ли лес новое утро, наполненное смрадом горевшей плоти, либо дожди укроют человеческие деяния, постыдно пряча выжженную землю? Ох, Аде хотелось каждому, кто узнает о случившемся, во весь голос сказать: «Да, это преступления людей, посчитавших, что их жизни особенны, в отличие от ваших. Тех, кто не верит в сложившиеся устои, тех, кто потерял здравый смысл. Их руками отняты десятки жизней, по которым ноет мое сердце, – я приношу свое тело и душу в жертву ради жизни, но алым хвостом к храму отныне тянется смерть».

– Хорошо, – вздохнул Винсент, не подозревая, насколько быстро бьется сердце Адалин. – Хоть что-то хорошо.

Лодка продолжала свое движение в полной власти реки.

#3. На другой стороне реки

Леверн резко проснулся, чувствуя, что надо спешить, – мысли путались, и рыцарь недоуменно оглядывался, пытаясь сообразить, где он находится. Рассвет едва пробивался сквозь тяжелые тучи. Одежда Леверна была насквозь мокрой – похоже, ливень не прекращался добрую половину ночи, но тучи над лесом понемногу рассеивались. Рыцарь, наконец, вспомнил события прошлой ночи.

Альвах.

Их вынесло на вымытый рекой берег, свободный от зарослей. Но дальше, куда ни кинь взгляд, прямого выхода к воде не было – везде обрывистый берег реки…

Пожар, похоже, сдался под дождем – по крайней мере, в этой части леса не было и намека на то, какой ужас выпал людям этой ночью.

Стараясь не разбудить спящих товарищей по несчастью, Леверн выпрыгнул из лодки и снова беспомощно огляделся. Он не представлял, где искать пропавшего друга. Дело пойдет быстрее, если он взберется на крутой склон и уже оттуда начнет поиски.

– Посиди тут, – донеслось из-за плеча, и рыцарь готов был оторвать голову Винсенту, который незаметно подкрался, подобно хищнику, приближающемуся к жертве. – Я отправлюсь на поиски Альваха, а ты присмотри за ними. – Видя, что Леверн готов спорить, командир, понизив голос, добавил: – За служанкой я присматривать не буду. Захочет уйти на поиски, пока тебя не будет, – держать не стану. Не ты ли вчера говорил, что не хочешь искать два тела?

Леверну пришлось согласиться, но слова Винсента ему пришлись не по душе.

Всматриваясь в спину командира, который с завидной легкостью взобрался на склон, Леверн уже не удивился, почувствовав легкое прикосновение на своем плече. Адалин в промокшем платье дрожала от холода, но Леверн ничем не мог ей помочь – вся его одежда пострадала не меньше. Рыцарь, кивая в сторону лодки, отвел принцессу поодаль.

– Простите, – решила первой начать разговор Адалин.

– За что? – поинтересовался Леверн, вглядываясь в беспокойные глаза принцессы, которая в разорванном платье, с потрепанными волосами и изрядно измазанным лицом все равно выглядела величественно. «Хоть в мешок ее одень, а не скроешь того, что благородных кровей», – ухмыляясь мыслям, он выдавил кривую улыбку. – Вам не следует извиняться, Ваше Высочество, если только не по вашему приказу на нас напали. – И молодой воин с опаской взглянул на дочь короля, проверяя свое предположение.

Полное растерянности лицо собеседницы тут же развеяло все его опасения.

– Так, значит, Ада, верно? – Заметив, как удивилась принцесса, Леверн пояснил: – Ваш брат назвал вас так, когда прощался. Думаю, в тот момент будущий правитель забыл о том, что ваше имя должны держать в тайне до

ритуала. Но Ада – это ведь сокращение, верно? От Адалин.

Принцесса опасливо кивнула, не понимая, к чему ведет рыцарь. Леверн тяжко выдохнул:

– У меня церемониал уже словно песок на зубах скрипит. Не обессудьте, Ваше Высочество, но вам больше к лицу имя Ада.

Принцесса робко улыбнулась. Рыцарь чем-то напоминал ей Грегори, и Адалин почувствовала к нему симпатию. Леверн, воодушевившись тем, что принцессу не возмутила его фамильярность, вмиг повеселел:

– Решено! Отныне будете Адой.

На душе отчего-то стало легче. То ли улыбка Ады грела, то ли Леверн окончательно проснулся – желание действовать кипело в нем, и рыцарь оглянулся, прикидывая, можно ли добыть поблизости что-то съестное.

Вся радость мгновенно испарилась – к ним бежала Клер, путаясь в мокром подоле платья.

– Клер… – начал Леверн, но сестра не дала ему договорить. Подлетев, она дала ему хлесткую пощечину – голова его дернулась, а на коже отчетливо проступил ярко-красный след. Рыцарь растерянно посмотрел на подругу, а она отпрянула, словно ошпаренная. Казалось, она не ожидала от себя такой силы удара.

– Прости… – Ее красивый мелодичный голос сорвался на визг. – Я… должна была помочь, нырнуть следом, вытащить… не оставлять Аля одного… – Она упала на колени, пачкая платье сырой землей. Желудок сжимало от рыданий, и выдох с хрипом вырывался из горла. Клер корила себя за то, что не смогла спасти брата. – Почему ты не дал мне помочь? Почему не нырнул сам? – Названная сестра подняла на Леверна блестящие от слез глаза.

Рыцарь чувствовал отчаяние, словно сейчас он сам тонул вместо названного брата, и в груди все болезненно сжалось. Клер не умела оценивать шансы и рассчитывать риски. Внутри яркой волной всколыхнулась злость.

– Ночью, среди бурного течения пытаться спасти раненого способен только глупец, который утонет следом. Хочешь потерять всех разом? Альвах на моем месте поступил бы так же. Если бы я тонул и ты попыталась броситься за мной… – Остановившись, молодой человек повторил: – Ты бросилась бы за мной?

Неожиданный вопрос повис в воздухе.

– Да, – в голосе Клер слышалось обвинение. – Почему ты спрашиваешь? Аль и ты – все, что у меня есть. Я должна, – лицо Клер искривилось, голос окончательно осип, – должна заботиться о вас. Заботиться об Але, а не стоять, наблюдая, как дорогой мне человек исчезает под водой. – Она обхватила колени руками, так что кончик растрепавшейся косы коснулся мокрой земли.

Леверн не выдержал и резким движением поднял подругу с колен, до боли вцепившись ей в плечи.

– Заботилась бы лучше о себе! Тогда и брату, и мне было бы легче! – прокричал он, грубо встряхнув свою подругу. Она должна понять, должна научиться принимать случившееся как свершившийся факт и перебарывать слабость. Ему необходимо втолковать это ей, но Клер раз за разом выносит неправильные уроки из жизни. – Почему ты…

– Смотрите! – перебила Леверна Адалин, указывая вдаль.

На верхушке обрыва показался командир, придерживающий бледного, едва стоящего на ногах Альваха. Раненое плечо было перебинтовано полоской ткани, оторванной от сорочки. Леверн, тут же забыв о злости, со всех ног бросился к названному брату, не веря, что это не сон. Клер, придя в себя, помчалась вслед за рыцарем, словно у нее за спиной выросли крылья.

Довольный Винсент, наблюдавший за происходящим, поморщился, когда Леверн в качестве благодарности полез к нему с объятиями. Клер же светилась, словно пламя домашнего очага, и повторяла заветное «спасибо» будто скороговорку, пока в легких хватало воздуха.

Ада наблюдала, как радуется воссоединившаяся семья, и сама не сдержала улыбки – яркие эмоции, свидетелем которых она оказалась, не оставили ее равнодушной. Пусть она и была сторонним наблюдателем, но лишней себя не

чувствовала – почему-то хотелось радоваться так же сильно, как Клер, не сводящая глаз с выжившего брата. Наконец после ужасно длинной и холодной ночи принцесса смогла облегченно вздохнуть.

* * *

Небольшой костер, разведенный умелыми руками Винсента, потрескивал, согревая уставших путников. Адалин, сонно моргая, прислушивалась к разговору мужчин. В лодке она проспала не более пары часов и к вечеру, после долгого пути, совсем осталась без сил.

Пока солнце не село за горизонт, Винсент пытался исследовать территорию, опасаясь повторного нападения, однако в этой части леса они были одни, и после того, как командир успокоился, Леверн наконец отправился на охоту. Удача улыбнулась рыцарю, и вскоре запах жарившейся на костре зайчатины задразнил ноздри проголодавшегося отряда.

Клер сменила повязку на ране брата, радостно подметив, что стрела лишь слегка задела плечо. Сам Альвах боролся со слабостью и сразу после ужина уснул на коленях сестры: все его силы иссякли в борьбе с течением.

– …Ерунда творится, – закончил Леверн, лениво подкидывая тонкие ветки в танцующее пламя. Ему не хотелось выглядеть слишком впечатлительным, но оспаривать существование заговора против ее высочества он не видел смысла.

– Скорее четко спланированное нападение, которое подпортил устроенный по дурости пожар, – подтвердил догадки рыцаря Винсент. Он бросил взгляд на принцессу, обдумывая, стоит ли озвучивать свои мысли в ее присутствии. Адалин, заметив это, не отвела глаз, и командир продолжил: – На нас напали целенаправленно, до последнего преследуя вас. Целью было убийство, Ваше Высочество, в этом нет сомнений.

Адалин вздрогнула, пряча подбородок в воротнике подсохшего у костра плаща.

– Зачем кому-то меня убивать… раньше времени?

– Отличный вопрос, Ада, – вмешался Леверн и обратился к командиру: – Что будем делать дальше? Возвращаться во дворец? Просить помощи в ближайшем поселении?

– Нет. – Винсент склонил голову. – Мы продолжим путь, более того, будем двигаться быстро и не привлекая внимания. Вашу личность, принцесса, а также цель нашего путешествия, наши имена и любые сведения, по которым нас могут опознать, оставим сокрытыми – больше шансов достичь храма. Вас мало кто знает в лицо, а это нам только на руку.

– Погоди-ка, великий мыслитель. – Леверн поднялся и принялся расхаживать вокруг костра. – Не думаешь ли ты, что во дворце обязаны узнать о нападении? Подождем подмоги и уже с новыми силами продолжим путь – разве это не разумно?

– Ты тугодум?

Рыцаря характеристика из уст командира мгновенно возмутила:

– Уж поясните свою мысль, ваше командирское благородие! Да так, чтобы я понял. – Его низкий голос заставил Клер встрепенуться, и она бросила предупреждающий взгляд на друга.

– Я тоже не понимаю, командир, – робко отозвалась служанка, бережно поглаживая брата. Увидев, что Винсент не в восторге от ее вмешательства, Клер постаралась объяснить: – В таком состоянии мы едва способны позаботиться сами о себе, не говоря уже о Ее Высочестве, почему бы не попросить помощи?

Винсент долго смотрел на спящего Альваха, не отвечая. Он понимал ее опасения – в таком составе они действительно не лучшая охрана для принцессы. Раненый охотник, взрывное белобрысое несчастье, пугливая служанка – его «команда мечты». Таких людей недовольный поворотом дел командир никогда не взял бы в отряд для защиты принцессы.

Но имея то, что есть, он также понимал, что никого из них отпускать ни в коем случае нельзя. Двое из пятерых способны сражаться – командир не знал, как скоро придет в себя Альвах, поэтому не возлагал на него надежд. Идея оставить раненого в первом же населенном пункте показалась соблазнительной только

на миг – Винсент представил, какой шум поднимет рыцарь, встав на защиту друга, и тут же отмел эту идею. С Леверном ни к чему портить отношения – дорога к храму предстоит тяжелая, и нет смысла делать ее еще хуже.

– Гм, – стараясь вспомнить вопрос служанки, Винсент продолжил: – Видимо, никто не обратил внимания, но я подскажу. Леверн, опиши напавших на нас.

Рыцарь хмурился и, выкладывая информацию, одновременно обдумывал сказанное:

– Их было много. В одинаковой форме, но без явных опознавательных знаков. Хорошо обучены, сразу же исполняют приказы. Отлично вооружены. Стоп… – Глаза рыцаря расширились: – Это армия. Не просто бандиты, это часть чьей-то армии. А собственную армию или доступ к королевской имеют богатые лорды, высшее командование также имеет право распоряжаться воинами, советники, король… Не-е-ет, – Леверн замотал головой, пытаясь выбросить из головы навязчивую идею. Он поинтересовался: – Ты же не думаешь, что…

– Нет. Я не думаю, что король причастен к нападению. Моей первой мыслью было то, что вы, – командир обратился к принцессе, – решили организовать свой побег. Вот только до смешного нелепо – вы спаслись только чудом, а нападавшие жаждали скорее убить, нежели похитить вас. Поэтому я отбросил этот вариант.

Не обращая внимания на явную обиду, читавшуюся на лице Адалин, Винсент продолжил:

– Вот к чему я вел: все перечисленные Леверном люди так или иначе имеют влияние в замке. Богатые лорды, конечно, самый простой вариант – их армии велики, а запасы золота позволяют снабжать длительные походы. Но никто из них не в состоянии провернуть подобное, потому что – не подскажешь, белобрысый?

Леверн, бросив уничтожающий взгляд на командира, нехотя пояснил его мысль:

– Все перемещения личных армий фиксируются, и о них докладывают в замок. Ни один поход, в состав которого входит более пятидесяти человек, не состоится, пока не будет санкционирован высшим командованием. Исключая

случаи, когда речь идет о защите собственных земель, – лорды часто используют эту лазейку, собирая войска на территории, граничащей со своей. Но территория вокруг леса не принадлежит ни одному вельможе – одни мелкие города и селения, относящиеся к столице.

– Именно, – подтвердил Винсент. – Чего не сказать о дворцовой знати – никого не удивит высший чин с отрядом воинов, покидающих дворец. Нам нет смысла искать там помощи – слишком велик шанс, что выдадим информацию прямо в руки предателю. Мы сейчас в лучшем положении, чем могли быть: наши враги не знают, живы ли мы, в каком составе и куда направимся. Давайте используем это преимущество – у нас есть время подлатать раны, разузнать, что сможем, и тронуться в путь. И налегке сможем двигаться быстрее, не привлекая излишнего внимания. – Винсент говорил и в глубине души очень надеялся, что поступает разумно.

Командир посмотрел на Адалин – принцесса внутренне содрогнулась от холодного взгляда, в котором читалась решимость.

– Я обещал вашему отцу, что защищу вас. Отказываться от своих слов я не собираюсь – не делайте такое лицо, словно боитесь, что вас вот-вот бросят. Вы окажетесь в храме живой и невредимой, я даю вам слово.

Ада судорожно вздохнула, едва кивнув, – она действительно боялась, что ее спутники решат, будто сложившаяся ситуация не входит в их обязанности, и разбредутся кто куда. Слова, сказанные ей малознакомым человеком, походили на клятву, и если он поможет ей добраться до храма, она готова принять любые его решения.

– Белобрысый! – Винсент определенно испытывал некое наслаждение, видя, как реагирует Леверн на подобное прозвище. – Не вздумай потеряться в дороге – я тебя рано или поздно найду и запрошу втридорога за нашу первую встречу.

– Это вы не потеряйтесь, царица-наседка отряда, – парировал рыцарь слегка угрожающим тоном. – Нам с вами предстоит множество часов великолепного времяпровождения – пожалеете, если пропустите.

– Завтра нужно раздобыть денег, лошадей и другую одежду – наряд принцессы сильно выделяется. Девушку в алом платье запомнит даже человек с дырявой

памятью. – Винсент, потягиваясь, встал.

– Тогда уж привыкай называть принцессу по имени, командир, – сказал Леверн, зевая во весь рот. Заметив недоуменный взгляд Винсента, он пояснил: – Раз мы не хотим привлекать внимания к Ее Высочеству. Вы не против? – добро протянул рыцарь принцессе.

Адалин покачала головой, чувствуя, как понемногу в ней просыпается любопытство. С ней никогда не общались как с равной – даже отец предпочитал держать дочь на расстоянии, что, впрочем, она хорошо понимала. Один Грегори ласково называл ее Адой, позабыв все формальности; ходил за ней следом каждый день, будто маленькая собачка, и любил так же – горячо и преданно, будто не зная, что Аде в его жизни отведено ничтожно мало времени.

– Учту. – Винсент принял идею Леверна, понимая, что она не лишена смысла. – Ложитесь спать, – сказал он, одной рукой растирая затекшую шею. – Предстоит тяжелый день. Я на вахте первый. Белобрысый, через четыре часа разбужу.

С этими словами командир проследил за отрядом: рыцарь мгновенно уснул; затем, аккуратно переложив голову раненого брата на свои руки, улеглась Клер, а Адалин устроилась поближе к костру, натянув плащ Леверна. Она чувствовала, что напряжение в их маленьком отряде отчего-то спало: зарываясь лицом в короткий мех на капюшоне, она думала о том, что ей нужно добраться до храма, – и люди, по воле случая оказавшиеся рядом с ней, помогут в этом. Наступивший покой приятно укачивал ее.

Винсент невидящим взором буравил свой верный меч. С холодной сталью рукояти, которая грелась от тепла его рук, он чувствовал себя увереннее. Пусть со стрелами его клинок не мог бороться, но стоит хоть одному стрелку подойти поближе – и тогда уж Винсент выместит всю свою горечь за убийство Евандера на противнике.

* * *

Утро встретило путников холодом. Жаркое лето уже подошло к концу, и природа спешила всех предупредить – пора готовиться к зиме. Костер давно потух, но у Винсента не было сил встать и разжечь его – молодой человек провел всю ночь

наедине с мыслями, вспоминая, переживая заново последние события. Он не заметил, как начался рассвет, – только когда стало совсем светло, вспомнил, что не разбудил рыцаря. Сейчас уже пора было поднимать всех спутников, и Винсент, пихнув ногой Леверна, пробурчал:

– Подъем, иначе скормлю голодным рыбам!

Командир направился к Альваху, наблюдая, как Клер, едва проснувшись, первым делом потянулась к брату. Положив руку Алю на лоб, служанка в страхе принялась будить раненого. Альвах, недовольно открыв глаза, укоризненно посмотрел на сестру.

– У тебя лоб горячий и губы совсем белые, – сообщила брату Клер, извиняясь за то, что разбудила. – Командир, у него жар. Альваху нужен лекарь как можно скорее, – протараторила она и замерла в ожидании, словно боясь, что Винсент проигнорирует ее слова. Похоже, рана оказалась не такой уж легкой.

– Нужно выйти из леса и понять, куда нас вынесло ночью. – Винсент был собран, несмотря на бессонную ночь. – Лес граничит со многими поселениями, и если я прав, то недалеко от нас должен быть город. С раненым Альвахом будем двигаться медленно, но чем быстрее выберемся, тем больше шансов найти лекаря.

Клер помогла брату подняться. Альвах едва стоял на ногах, неуверенный в собственных силах. Леверн, остановившись рядом, молча подхватил лучшего друга, закидывая его руку себе на плечо.

– Если понадобится, я тебя потащу, – вместо приветствия сказал рыцарь, с утра пребывавший в скверном настроении – Леверн вообще просыпался с трудом, а когда его так рано будили, являл миру свои не лучшие качества. Вот и сейчас, будучи еще сонным, он хмуро наблюдал, как Клер собирает их нехитрые пожитки, а командир информирует ее о своем плане: они выйдут из леса, а затем служанка отправится в город искать лекаря, а остальные, не привлекая лишнего внимания, – на поиск ночлега. Собрав все монеты, найденные в карманах беглецов, Клер взволнованно сообщила, что денег на него едва хватит.

– Ваше Высочество, боюсь, нам придется продать ваши украшения, – голос Винсента не выражал ни капли эмоций. Он не спрашивал – ставил перед фактом, и Адалин молча приняла это. Подозвав служанку, принцесса указала на тонкое колье с россыпью крупных красных камней и равнодушно смотрела, как дорогое украшение соскользнуло с ее шеи. Драгоценности были обыденны для принцессы, и она не испытывала привязанности ни к колье, ни к серьгам, которые следом упорхнули в ладони служанки.

– Этого хватит? – спросила Адалин, глядя на командира. Он не удостоил ее ответом, и Ада решила, что Винсент не испытывает перед ней ни благоговения, ни хотя бы почтения, которые она привыкла видеть в своих подданных.

– Продать такие украшения будет сложно, – заметил Леверн, вглядываясь в крупные драгоценные камни, украшавшие серьги. – Рубины сейчас только королевская семья может себе позволить. У моей матери похожие серьги были, – некстати вспомнил рыцарь, поймав на себе расстроенный взгляд Клер.

– Жаждущие получить украшения за бесценок найдутся. – Винсент не собирался искать другой способ раздобыть денег. – Клер, главное, сделать все тихо и избегать крупных ювелирных лавок – там сразу решат, что украшения краденые, – проинструктировал командир служанку, и она привычно склонила голову в знак согласия.

* * *

Путники спешили пройти как можно больше, пока солнце еще светило над их головами. Винсент не собирался останавливаться ни на минуту, и Адалин едва поспевала за командиром, который, казалось, утратил к ней всякий интерес – Винсента больше интересовали Альвах, к которому он то и дело оборачивался, и местность, не меняющаяся на протяжении всего пути. Что было нового в однотонных желтых кронах и серой земле, поросшей колючей травой, Ада не понимала.

Винсент насторожился, когда заметил на дереве след от топора – что-то подсказывало ему, что не дровосек забрел так глубоко в лес, куда давно не ступала нога человека. И он оказался прав: неожиданно разношерстная компания перегородила путникам дорогу на самой опушке леса. Внешний вид гостей не предвещал ничего хорошего: грязная, изношенная одежда, пестрящая

дырами, не скрывала крепких фигур. Разнообразное оружие в их руках было громче любых слов, и Винсент более не сомневался – это разбойники. Командир знал, что эффект неожиданности – едва ли не единственное оружие, которое можно использовать в сложившейся ситуации. О переговорах не могло быть и речи – нельзя давать время оценить состояние их маленького отряда и загнать их в угол.

Он обвел взглядом желающих поживиться за их счет. Семеро. Кровь закипала в жилах, и Винсент был ничуть не против такой реакции, ведь если драться будет он, то между семерыми и одним нет никакой разницы. Командир, обнажая на бегу меч, напал на потрепанного верзилу, пользуясь преимуществом внезапной атаки. Бой начался немедля. Леверн, отразив мечом удар ятагана, старался не подпустить разбойников к беспомощным женщинам и раненому другу. Альвах, превозмогая боль, вытащил пару легких кинжалов, загораживая собой принцессу и Клер.

– Аль, – тихо протянула сзади сестра, надеясь, что брат не полезет в драку.

Но Альвах и не собирался отбирать развлечение у Винсента и Леверна.

Командир и не думал никого убивать, но Адалин, наблюдавшая за развернувшимся перед ней сражением, поняла все иначе – для нее стражи в мгновение ока превратились практически в головорезов.

«Должна ли я что-то сделать? – Право решать принцессе никогда не предоставляли, однако какой-то новый голос в ее голове назойливо шептал: – У тебя есть власть и достаточно сил, чтобы остановить происходящее». Дочь короля, обойдя немого стрелка и летящего в ее сторону верзилу, ринулась вперед – благо Леверн расчистил ей дорогу. Рыцарь выругался ей вслед, но Аде сейчас куда важнее было оказаться возле Винсента. Вот и он – прямо напротив нее, с хищным оскалом, который принцесса пожелала бы стереть из памяти. Винсент полоснул мечом по руке завопившего от боли противника, а Адалин, не обращая внимания на царящую вокруг опасность, заорала что было сил:

– Остановитесь! Прошу, хватит!

Винсент, поспешно справившись с противником, перевел на нее взгляд. Принцесса замерла посреди бесчувственных тел разбойников, напоминая дев из

образов Санкти, разгневанных человеческими проступками: сложив руки на сердце, будто не давая ему выпрыгнуть, Адалин с укором смотрела на Винсента. Он застыл, стараясь понять, чем заслужил сквозившее в ее взгляде презрение, но спустя мгновение принцесса исчезла и мир померк, превратившись в черную бездну.

Один из соперников, оказавшийся выносливее своих соратников, после полученного от Винсента удара всего лишь упал на землю, а отвлекшийся командир решил, что сразил его. Сообразив, что Винсент сейчас открыт, нападавший точным ударом в шею лишил командира сознания. Адалин от страха замерла перед разбойником. Какие бы цели нападавший ранее ни преследовал, сейчас для него девушка стала причиной всех несчастий, свалившихся на долю его соратников.

Леверн, освобождаясь от захвата противника, понял, что не успевает добраться до Адалин, и закричал:

– Не стой, беги!

Клер, все это время наблюдавшая в стороне, кинулась наперерез громиле, надеясь заслонить госпожу. Но служанка не добежала совсем немного: огромный мужчина резко, словно подкошенный, упал на землю – из его шеи торчал кинжал. Клер оглянулась – Альвах держал второе оружие наготове и обводил напряженным взглядом тела поверженных разбойников.

Принцесса едва осознавала случившееся; ее взгляд остановился на фигуре, которая больше никогда не пошевелится; Клер же предпочитала и вовсе не смотреть.

– И о чем же вы думали, Ваше Высочество? – с нажимом на последние слова поинтересовался Леверн, поднимая на спину Винсента.

* * *

Они шли по проселочной дороге, с одной стороны которой раскинулись огромные поля. Десятки рабочих были заняты посевом под зиму: одни вспахивали землю, другие, с бочками наперевес, сеяли будущий урожай.

Наступали холода, и селяне торопились, встревоженные резкими переменами погоды, – от их скорости зависело, сколько монет они выручат следующей весной. Солнце, спрятавшись за грозовыми тучами, не давало возможности определить время, но урчащий желудок явственно намекал, что давно пора было сделать привал и перекусить.

Адалин шла рядом с рыцарем, поддерживая Альваха под локоть здоровой руки. Принцесса путалась в мыслях, понимая, что в лесу Альвах первым делом защищал ее, но противный осадок никак не желал проходить. Человеческая жизнь, сколь прогнившей и недостойной она ни была бы, – не пыль на рукаве платья, и просто стряхнуть и забыть про нее у принцессы не получалось. Немой страж старался сильно не опираться на Аду, но боль, лишавшая его сил, тянула к земле, и хрупкая госпожа снова и снова не давала раненому упасть.

С Клер они попрощались сразу, как вышли из леса: помня план Винсента, служанка намеревалась как можно быстрее найти лекаря для брата. Удача не обошла стороной их маленький отряд – еще на опушке Леверн наконец смог определить, где они находятся. В нескольких часах пути от леса располагался замечательный трактир, который держал старый друг его деда, а немного дальше – небольшой город, в который Клер собиралась идти за помощью. В гостях у старого друга они, наконец, смогут отдохнуть в тепле и сытости, а Клер собиралась вернуться наутро.

Но рыцарь все равно был недоволен, хоть и понимал, что названная сестра дойдет до города раньше, чем он с раненым другом, командиром без сознания и принцессой доберется хотя бы до трактира.

Леверн долго изворачивался в попытке переиначить план Винсента, раскинувшего сейчас ручища на его плечах, но Клер не поддавалась, и рыцарю пришлось уступить. Уходя, служанка поцеловала в щеку расстроенного Леверна, а потом брата и юркнула на узкую дорожку, ведущую к покрытому серой дымкой городку.

Не имея лошадей, компания продвигалась крайне медленно, еще больше раздражая этим молодого рыцаря. Леверн внимательно оглядывался по сторонам, словно ища кого-то, и терзал провинившуюся принцессу.

– Испугалась, это я понимаю, – наседал он, поглядывая на виновато опущенную голову Адалин, – но зачем мешать? Хорошо еще только громила умер, а то и тебе досталось бы. Могло быть и хуже, – подытожил рыцарь. Адалин молчала, и Леверна осенила внезапная догадка: – Ада, не смей жалеть негодяев. В лесу Альваху пришлось решить: либо твоя жизнь, либо их – выбора не было. Слышишь, принцесса? Не было!

Леверн остановился, перегораживая Адалин путь. Он ждал ответа.

– До нападения у реки я с подобными ситуациями не сталкивалась. Возможно, вам привычен подобный уклад, но я с жестокостью дел ранее не имела – будьте снисходительны к моему недоумению. – Адалин продолжила холодным тоном: – Надеюсь, необходимость такого выбора в следующий раз обойдет вас стороной.

Молодой страж, прокашлявшись, натужно засмеялся. Строгие нотки, прорвавшиеся сквозь привычно невозмутимый тон принцессы, удивили его. Они продолжили свой путь под все сгущающимися тучами, но Аде не давала покоя еще одна мысль:

– Я не хотела ставить под угрозу жизнь Винсента. – На этот раз Леверна удивил ее мягкий виноватый тон.

– Глупая, – по-доброму изрек рыцарь.

Альвах улыбнулся словам друга, и принцесса с интересом взглянула на него. Он вдруг показался ей зеркалом, перед которым стоит Леверн, – стоит только направить свет под правильным углом, и в отражении появится Альвах. Ада никогда не видела похожих людей, чье сходство было бы не постоянным, а проявляющимся в редкие моменты.

О том, что ее сопровождающие не родные братья, она узнала от рыцаря – он, почувствовав разрядившуюся обстановку, болтал без остановки. Но сейчас, видя их одинаковые вплоть до изогнутого уголка губ улыбки, Ада поняла, что кровь – не единственное, что способно роднить людей. Человеческая натура, никогда ее не интересовавшая, неожиданно заняла все ее мысли – хотелось расспрашивать названных братьев обо всем подряд, только бы понять, что связывает их жизни.

Радостный клич Леверна отвлек принцессу. Сбросив, к слову, совсем неаккуратно, бесчувственного Винсента со своих плеч, он пригладил волосы и, излучая доброжелательность, направился к замеченному им человеку. Мужчина с травинкой во рту, заинтересовавший Леверна, оказался табунщиком, за плечами которого на небольшом лугу с жухлой травой лениво паслись разномастные лошади. Табунщик, завидев направляющегося к нему рыцаря, выплюнул травинку и нацепил самую вежливую улыбку – возможность заработать он чуял за версту.

Адалин наблюдала за тем, как громко смеющийся Леверн прощается со своим новым знакомым и ведет на поводьях двух грациозных лошадей. Девушка невольно ими залюбовалась: насыщенным шоколадным цветом шкуры, короткой жесткой гривой, острыми ушами; тонкие, жилистые ноги и плавные линии их спин, мощные шеи указывали на выносливость жеребцов. Адалин не питала любви к верховой езде – гарцевать по замкнутому кругу в пределах дворцовых стен ей надоело. Но предвкушение езды галопом пробуждало в ней интерес.

Довольный рыцарь подошел к Аде:

– Наших денег не хватало и на одну лошадь, но я вынудил этого скупого табунщика уступить. Никакого обмана! – добавил Леверн, чувствуя недовольство принцессы. – Только обаяние.

Перекинув Винсента поперек крупа коня, Леверн помог Альваху и принцессе забраться на второго жеребца.

– Нужно поторопиться – вот-вот хлынет дождь, и застать его в пути нам, поверьте, не понравится.

С этими словами он повел коней по дороге, к которой уже стягивались люди с окрестных полей – никто не хотел встретить ненастье под открытым небом.

#4. Протоптанная дорога

– Леверн, мой дорогой мальчик! – Мужчина преклонных лет с седой головой, широко улыбаясь, приветствовал входящего в трактир рыцаря. – Сколько я тебя не видел, уж и не вспомнить! Ты с друзьями? – Хозяин окинул взглядом зашедших следом за гостем людей – двух уставших мужчин в насквозь промокших плащах и незаметную за спиной одного из них девушку.

Оценив мрачные лица новоприбывших, хозяин поинтересовался:

– Сынок, ты на задании, что ли? Спешишь? Случилось что?

– Что вы, дядя Гектор, мы к вам заглянули исключительно в поисках крыши над головой. Погода, считай, сама к вашим дверям провела. Да и лошадям нашим отдых не помешает, – выдавливая широкую улыбку, как можно радостнее протянул Леверн. – Путь мы держим в соседнюю провинцию, к дальним родичам моим, по делам. Сами знаете, чем больше родни, тем чаще помогать приходится, – рассмеялся молодой человек.

Гектор согласился, за улыбкой пряча недоумение, – о семейных отношениях Флоресов он был наслышан из первых уст, и представить, что Леверн добровольно навещает родственников, не мог. Хозяин отошел налить гостям согревающего чаю.

– Убери это выражение с лица, Тенебрис тебя задери, – сквозь зубы прошептал рыцарь Винсенту. – Выглядишь как убийца, а это делу не помогает. – Бросив предупреждающий взгляд на командира, который лишь недавно пришел в себя и находился в отвратительном настроении, Леверн обратился к Альваху: – Вы своими кислыми лицами запомнитесь и хозяину, и посетителям. Ада, не прячься за спиной нашего неповторимого, пойдем!

Принцесса, казалось, намеревалась стать тенью командира, и Леверну пришлось аккуратно потянуть девушку за руку к столу в полутемном углу.

Адалин устало присела на деревянный стул со спинкой и блаженно закрыла глаза. Все тело ломило после скачки наперегонки с дождем. Она вся продрогла и страшно хотела спать, в глаза то и дело норовила попасть промокшая ткань капюшона. Девушка пыталась головой скинуть его, но безуспешно, а показывать руки из-под длинных рукавов Ада не хотела – страх запомниться посетителям сковывал ее движения. Винсент, выбрав место возле принцессы, заслонил ее от

окружающих, и, увидев, как она странно дергает головой, командир аккуратно стянул с нее капюшон.

Ада в упор посмотрела на него – она была в смятении с тех пор, как Винсент очнулся. Принцесса и не пыталась скрывать чувств – еще на пути к трактиру она собиралась извиниться, но шум дождя был громче ее голоса, сводя на нет все попытки.

Втайне надеясь, что ее высочество поймет, что так пронизывающе смотреть попросту самонадеянно, Винсент, отворачиваясь, заметил:

– Можете вытаскивать руки, не таясь. Здесь достаточно темно. Наше чудило, – кивнул Винсент в сторону Леверна, активно вешающего лапшу на уши старику, – выбрал хорошее место. Народ пьян, шума много, даже если ваши когти заметят, то вряд ли поутру о них вспомнят.

Он ни словом не упомянул выходку Адалин – командиру не хотелось выслушивать глупые женские оправдания, хотя он все еще был немного раздражен поступком ее высочества.

– Спасибо, – тихим, серьезным голосом произнесла Адалин, обрадовавшись, что Винсент воздержался от упреков в ее сторону.

Командир счел беседу оконченной, игнорируя пронизывающий взгляд принцессы. Он верил, что сможет свести к минимуму любые разговоры с ней, а Аде молчание казалось неловким.

– Когда вернется твоя сестра, Альвах? – переключился на бледного юношу Винсент. Он заметил, что немой страж держится неплохо, не выказывая ни малейшей слабости, но выглядел он, увы, не столь обнадеживающе – в темноте Альвах и вовсе походил на мертвеца, а скачка на лошади только больше истощила раненого. Винсент не терял надежды, что они вскоре найдут способ вылечить стрелка, иначе его придется оставить в городе – раненый был обузой, сколь бы жестоким это ни казалось.

Альвах, прикрывая глаза, кивнул в сторону Леверна. Сил написать хоть строчку не было, да и блокнот, с которым не расставался немой юноша, ушел на дно бурной реки. Постепенно он помрачнел – Аль прикидывал, благополучно ли

доберется его сестра до города.

Подойдя сразу с четырьмя кружками горячего чая, Леверн вклинился в разговор:

– А что, вашему командирскому благородию понравилась Клер? – И, шутливо увернувшись от воображаемых тумаков со стороны Альваха, продолжил: – Тише-тише, друг мой серьезный, никто на твое сокровище не зарится. Она, – отвечая на неозвученный вопрос Винсента, продолжил Леверн, – приведет лекаря в трактир, я думаю, не позднее завтрашнего утра. – И, поставив перед Альвахом кружку с чаем, добавил: – Дядя Гектор подбросил туда пару лечебных трав – снимет жар. И, о чудеса, я нашел чистые бинты – перевяжу твою рану, как только поедим. Это все, что удалось раздобыть. К сожалению, никакой сменной одежды он предложить не смог – в его рубахах утону даже я.

– Пусть так, – кивнул Винсент. – Только в следующий раз будь так добр, согласуй со мной свои гениальные планы.

– Поменьше в отключке валяйся, о великий командир, тогда и будешь руководить. Шучу, шучу! – теперь уже всерьез уворачиваясь от возжелавшего намылить ему шею Винсента, провозгласил Леверн. – Ада, спасай! – раздалось над столом, и принцесса звонко рассмеялась. Проверив, не смотрит ли кто, Ада аккуратно достала руку из рукава и взяла кружку с горячим чаем. Острые металлические когти царапнули деревянный бок кружки, но глубоких борозд не оставили.

«Я излишне взволнована», – подумала принцесса, пробуя ароматный напиток.

Альвах, наблюдая за Адалин, аккуратно коснулся ее руки, будто хотел что-то сказать. Дочь короля, подавив нахлынувшую жалость, благодарно улыбнулась – ей не нужно было ждать написанных слов. Она понимала немого лучника, видела в его добрых, уставших глазах желание приободрить. Альвах словно владел особым даром – собеседники считывали его эмоции порой не хуже его сестры. Принцесса видела, что Аль разделяет ее облегчение после тяжкого путешествия и радость от того, что сейчас у них есть крыша над головой. Она знала также, что, будучи в тепле и безопасности, юноша волнуется за сестру.

– Ты скоро ее увидишь, и Клер уже никуда не денется, – пообещала принцесса.

* * *

Адалин не могла сказать точно, сколько прошло времени с тех пор, как они укрылись в трактире от непогоды. Согревшаяся, держа в руках вторую за вечер кружку безумно крепкого чая, она была довольна. Ее спутники уминали за обе щеки по третьему блюду и явно не торопились заканчивать. Ада рассматривала убранство трактира и дожидалась, пока изголодавшиеся в длительной поездке мужчины насытятся.

Прямоугольное помещение, в центре которого располагался большой камин, было плотно заставлено столами. За ними селяне пили, смаковали горячие блюда и слушали байки местных рассказчиков, которые всегда оказывались на таких сборищах. По винтовой лестнице, прячущейся прямо за массивным, высотой от пола до потолка, шкафом с медными ручками, то и дело поднимались посетители, решившие переждать буйство погоды в уютном прибежище. Хозяин бегал от одного стола к другому, не оставляя без добрых слов ни одного гостя, а они в трактире были самые разные – начиная от компании молодых парней, которых разгулявшаяся погода прогнала с работы в полях, до стариков, которые по привычке собирались здесь вечерами за игрой в кости. Немногочисленные дамы были в сопровождении мужей, отцов и братьев и вели себя скромно, лишь изредка порицая некоторые поступки подвыпивших спутников.

Адалин не заметила, как начала представлять себя на месте то одной, то другой женщины: вот одна – явно дочь полного мужчины в соломенной шляпе, держит его за руку и неустанно одергивает, напоминая, что хочет спать; а вот другая – жена худощавого нескладного паренька – громко осуждает мужа за количество выпитого; вот мать двоих детишек держит сразу обоих на коленках и ждет, пока супруг договорится с трактирщиком о комнате. У каждой были свои предназначение и цель; свой спутник, с которым они делили радости и горести; своя длинная, полная событий жизнь. И она заиграет новыми красками, когда прилив магии прокатится невидимой волной по королевству, как только Адалин принесет себя в жертву у ритуальной чаши. А принцесса так и не познает ни привязанностей, ни свободы, ни любви.

На плечо девушки легла чья-то рука, и Ада вынырнула из грустных размышлений.

– Адалин, – в который раз позвал Винсент принцессу, пока она смотрела в одну точку и хмурила брови, явно не слыша его. – Мы закончили и можем пойти

готовиться ко сну. Вы нормально себя чувствуете? – спросил командир, глядя на побледневшую девушку.

– Устала, – проронила принцесса, вскочив со стула. Тут же тело охватила странная слабость – ноги подкосились, и только Винсент не дал упасть обессилевшей принцессе на пол.

– Вижу. – Подняв на руки притихшую Адалин, командир направился к лестнице на жилой этаж. Следом за ними двинулся и Аль. Леверн, не скрывая довольной улыбки, обратился к названному брату:

– Вот видишь, наш суровый командир тоже к девочке хорошо относится. Уж лучше пусть он ее на руках тягает, чем я его! – Последнее довольный рыцарь прокричал вслед ушедшему Винсенту как можно громче. – Притворялся разнеженной барышней – разок стукнули, а потом таскай его на плечах, как девчонку! – Леверн фыркнул, почти идеально скопировав своего коня. А после добавил, понизив голос: – Я боялся, что он совсем Аду своими суровыми взглядами замучает. Холодный, как речные воды в зимний месяц. Но ничего, мы его научим манерам.

Альвах же только покачал головой. Уж лучше бы суровый командир держал лицо да не добрел ни капли – и вояки повинуются лучше, и сердце принцессы целее.

* * *

Наблюдая за мгновенно уснувшим на узкой деревянной койке Леверном, Винсенту оставалось лишь удивляться – рыцарь вначале показался ему донельзя избалованным, но внук начальника королевской стражи чувствовал себя комфортно в любых условиях. Будь то открытые, продуваемые ветрами поля, холодный, застилающий глаза ливень или же сейчас – абсолютно неудобная койка. К чести Альваха, он тоже уснул сразу, едва коснувшись головой одной из двух имевшихся подушек. Раненый держался молодцом, и Винсент про себя восхитился стойкости не выносливого с виду парня. Вторая подушка, как и единственное одеяло, выделенное извиняющимся трактирщиком, были предоставлены принцессе, которая старательно притворялась спящей. То ли не хотела беспокоить Винсента, то ли приманивала сон – причин, почему Адалин не спала, он не понимал. Хоть и сам не мог уснуть. На полу было привычно, даже удобно, но неспокойные мысли в голове не желали уступать место отдыху. В

конце концов, потеряв надежду на сон, Винсент тихо спустился вниз и вышел на улицу. Беснующаяся погода понемногу успокаивалась, и холодная ночь вступала в свои права. Командира не покидало ощущение, что завтрашний день будет тяжелым и хотя бы краткий сон ему необходим. Закутавшись поплотнее в плащ, он вернулся в комнату, решив на этот раз разбудить Леверна на вахту вовремя.

* * *

Клер, чувствуя опустошение, брела по наполненной людьми улице. Ювелир, этот с виду добрый старичок с пышными усами, на самом деле оказался далеко не тем человеком, которого она искала, – мастер наотрез отказался принимать украшения принцессы. Возможно, всему виной был ее покаянный вид – не могла служанка чувствовать себя уверенно, пытаясь продать настоящие сокровища за бесценок. К счастью, у Клер было другое украшение на продажу, и она ушла из лавки с мешочком монет, но эта победа не принесла и толики радости. Не обрадовала служанку и сладкая выпечка, которую она купила в кондитерской лавке. Вкус вишневых пирожков казался пресным, и Клер доедала их через силу. Погода давно хмурилась, и с раскатом грома с неба обрушилась стена дождя. Уличные торговцы проклинали непогоду, которая распугивала клиентов. Многие рассчитывали на осенний праздник – товары, доставленные со всех уголков королевства, продавцы планировали сбыть по самой лучшей цене. Но сейчас, поспешно убегая с улиц, которые норовили превратиться в реки, умельцы самых разных профессий искали убежища в пабах и трактирах, где хозяева наоборот радовались ненастной погоде и большей прибыли.

Клер приметила портняжную мастерскую и, ловко перепрыгнув через лужи, в мгновение ока оказалась внутри. В одежде их компания нуждалась так же сильно, как и в лекарствах. Особенно ее высочество – красное платье слишком привлекало внимание. Портнихи обещали выполнить срочный заказ к завтрашнему дню, и Клер надеялась, что второй раз придет к ним уже не одна. Перебегая от одного спасительного карниза к другому, служанка не оставляла надежды добраться до лечебницы еще до того, как на воротах решат, что выпускать жителей из города во время разбушевавшейся непогоды небезопасно. Впереди замаячила вывеска лечебницы, которая тут же скрылась за стражами, перегородившими ей путь. Грозные лица служителей порядка не предвещали ничего хорошего.

– Я могу вам помочь? – поинтересовалась Клер, приставив руку козырьком к глазам, чтоб рассмотреть лица незнакомцев.

– Ваши вещи, – бесцеремонно потребовал высокий страж, и сердце девушки пропустило удар. Его напарник, не дожидаясь разрешения, выхватил у нее сумку и вывалил все содержимое прямо в лужу под ногами. По спине Клер пробежали мурашки, но она не была уверена, от холода это или от того, как мелькнуло в воде колье госпожи с крупными рубинами.

– Да уж, Хэдес, ювелир Актеон был прав. Надо скорее отвести воровку в тюрьму, пока нас не смыло дождем вместе со всем богатством. Это же какую знатную даму обокрала… – страж Хэдес, поправив шляпу-котелок, поднял ворот плаща от бьющего в лицо дождя. Его напарник крепко схватил за руку Клер, не дав ей и шанса объясниться, – отрывистые слова девушки потонули в звуках ненастной погоды.

* * *

Винсент не обращал внимания на Леверна, что соловьем разливался перед принцессой, рассказывая о своих подвигах, приукрашивая места и действия. Они держали путь к городу, и командир был погружен в мрачные, как сегодняшнее утро, мысли. Недовольный рыцарь, узнав, что Винсент не намерен ждать Клер, долго сыпал обвинениями в сторону «непутевого командира, который так и жаждет идти наперекор мудрейшим решениям». Перепалка, вспыхнув, словно фитиль свечи, затянулась на добрые полчаса, в течение которых Леверну все же удалось вывести на крик обычно холодного Винсента. Командир порядком устал от пререканий и, не выбирая выражений, вкратце рассказал о разговоре с Гектором. Леверн, выслушав красочную и очень емкую речь, остаток времени собирал вещи молча.

Винсент же снова и снова прокручивал в голове утренний разговор.

Скудные лучи пробились сквозь хмурые тучи, а Леверн, ждавший этого момента, словно жалованья, что есть мочи проорал в ухо командиру: «Сиятельство, подъем!» – и с довольной миной отступил на шаг, любуясь пробуждением Винсента. Следом проснулась и Ада – испуганно осматривая маленькую комнатку.

– Чуток переборщил, – раскаявшись, пробормотал Леверн в сторону Адалин.

Завтракали они в комнате, куда заботливый дядя Гектор вместе со служанками принес вкуснейший суп в глиняных мисках. Трактирщик поманил Винсента взглядом, предлагая выйти. В темном коридоре, куда едва пробивался свет из дальнего окна, хозяин трактира всучил удивленному Винсенту мешочек, туго набитый монетами. Не дав произнести командиру ни слова, Гектор, понизив голос, выложил:

– Собирайтесь немедля – я вам еще лошадь дам, чтобы уехали скорее. Ночью, – Гектор оглянулся проверить, нет ли кого рядом, – гости были. Искали девушку в красном платье, с большими металлическими украшениями на пальцах, по описанию – точно ваша спутница. Больше никого не упомянули – о вас, видать, не знают толком ничего. Хотя сказали, что девушка, возможно, не одна. Только что приехал мой приятель, он рассказал, что тех же людей встретил в соседней деревне – они, видать, решили обойти каждый дом, расспрашивая о девушке. Как бы сюда не вернулись – днем у меня народу меньше, но посетители трезвее – о вас кто-то да доложит. Монеты нынче здорово развязывают язык. Не знаю, во что вы ввязались, сынок, – по-отечески обратился к хмурому командиру трактирщик, – да только дорогу перешли кому-то важному. Парни были при хороших клинках – это я тебе как бывший оружейник говорю.

Гектор замолчал, обдумывая дальнейшее. Голос его совсем потерял краски.

– Леверн вчера и словом не обмолвился о ваших проблемах. Только сказал, что деньги позже пришлет – будто бы я с него хоть раз плату брал. О родичах каких-то толковал, хотя он ни с кем, кроме старика Ролло, не общается. Кстати, я ему письмо отправлю, пусть поможет. Не зря же он штаны в своей берлоге просиживает.

– Не нужно. – Винсент лихорадочно обдумывал услышанное, решая, стоит ли доверять этому человеку. – Мы подозреваем, что кто-то из замка причастен к… нападению на нас, – аккуратно добавил командир, следя за реакцией трактирщика.

Лицо Гектора вытянулось, и в глазах полыхнул недобрый огонь.

– Может, это и так, – голос мужчины похолодел, – вот только деда Леверна ты не думай подозревать – он хоть и хитрец, но внука не подставит. Не волнуйся, я не буду ему все выкладывать на блюдечке. Разузнаю, как дела в замке обстоят, как там поживает этот старый хрыч и не помер ли еще. Если случилось что, он обязательно даст знать, хоть вскользь.

– Сообщите Леверну, если что-то узнаете и сможете, – кивнул Винсент. И, уходя, добавил: – Спасибо.

– Все сами да сами… – после, уже стоя на крыльце трактира, сокрушался Гектор. Он провожал взглядом резвую тройку лошадей, уносящую в сторону города странную компанию, и не мог перебороть волнения. – Что за молодежь пошла – все на своих плечах пытаются унести. В мире одно зло видят, о доверии совсем ничего не знают…

Гектор, чувствуя, как болят к смене погоды старческие суставы, остаток фразы не рискнул произнести вслух: «Если я прав, и девчонка – принцесса, то, что бы ни удумал Леверн, пусть молчит. Ох, во что же он ввязался…» – С этой мыслью Гектор затянулся дымом из табачной трубки и направился в свой трактир, натягивая улыбку радушного хозяина.

* * *

Ада с интересом слушала Леверна. Рыцарь, найдя благодарные уши, делился историями из своей жизни в свойственной ему манере – не пропуская ни единой мелочи. Леверн иногда забывал, что находится в присутствии девушки, не говоря уже о том, что она принцесса, и Винсент уже устал его одергивать. Аду пробирал смех от каждой истории – рыцарю удавалось даже самое страшное приключение преподнести так, словно он путешествовал по радуге в компании шутов. И почти в каждой проскальзывало имя Альваха: он был тем, кто вытащил из болота невнимательного рыцаря; присутствовал при откровениях пьяного Леверна, который не распознал в радушном собеседнике отца девушки, к которой приставал ранее; отчитывался за успешные и проваленные миссии, пока светловолосая беда отсыпался после тяжелой дороги или дикой пьянки…

Адалин не могла сама держать поводья, а потому сидела на лошади за Леверном, руками обхватив его торс. Сейчас принцесса слушала историю о том, как рыцарь ворвался в зал, где дед раздавал указания подчиненным, и так

спешил доложить родственнику о готовящемся нападении, что предстал в неподобающем виде перед целым собранием королевской стражи. И хохотала в голос, едва не ударяясь лбом в спину рыцаря. Сзади послышался тихий смех Винсента – Ада удивленно оглянулась проверить, действительно ли их серьезный командир смеется. Перехватив его улыбку, она прыснула еще сильнее.

Альвах, не без труда управлявший своей лошадью из-за ранения, довольно улыбался, вспоминая ту историю. Тогда он, заваленный отчетами о прошедшей миссии, которые со свойственным ему легкомыслием спихнул на него дражайший друг, очень злился на Леверна. Идея подкинуть лентяю анонимную записку со сведениями о неожиданной атаке появилась сама собой – и юноша, не колеблясь, воплотил ее в жизнь.

Жаль, что Альвах не видел лица друга, когда тот читал записку, но образ Леверна, ранним утром представшего перед начальником королевской стражи в одних штанах и кричавшего о нападении, запечатлелся особенно ярко.

– Глядя на закипающего от злости деда, недоуменных стражей и откровенно веселящегося Альваха, я мигом все понял, – продолжал Леверн, нисколько не стесняясь подробностей. – Всыпал я ему тогда знатно, там же, при всех в зале. Деда Ролло, выгнав всю стражу, пытался нас растащить, да только я увлекся, и мы с Алем долго громили все вокруг. После прибежала Клер – у нее на наши ссоры нюх как у ищейки, – пояснил Леверн, пытаясь повернуть голову так, чтобы увидеть смеющуюся принцессу. – Как вы уже поняли, драка закончилась мгновенно – это только с виду Клер нежная и тихая, а рука у нее на самом деле тяжеленная, когда дело касается нас. Дальше мы смиренно ждали, пока она наорется и успокоится, – голос светловолосого рыцаря немного изменил тональность при упоминании сестры. Аде было жаль, что она не могла разглядеть его лицо – только светлые, чуть завивающиеся волосы мужчины маячили у нее перед глазами. – Ох и получил я от нее тогда… Клер вообще не любит ругаться – не в пример брату. Хотя в тот день она почти превзошла его: так долго, со вкусом и ни разу не повторяясь на меня орал только Альвах, когда я в детстве сломал его лук. – Замечтавшийся Леверн не сразу заметил молчание, разом поглотившее его спутников.

– Ты мог говорить? – Вопрос, адресованный немому стрелку, вырвал рыцаря из красочных воспоминаний, и он невольно дернул поводья, заставив коня остановиться.

Винсент, озвучив мучивший не его одного вопрос, подозрительно вглядывался в Альваха. Ада тоже не сводила с него обеспокоенного взгляда, замечая, что Аль вмиг посуровел – на его лице ярко горела ненависть к чему-то неведомому, которую лучник безуспешно пытался скрыть.

Один кивок, и Винсент удивился еще больше, в его голове проносились один за другим вопросы: «Как? Когда? Почему? Кто виноват?..»

– Прости. – Леверн, поздно сообразив, что глупо проговорился, попытался сгладить ситуацию. Его немой друг на мгновение зажмурился – перед глазами поплыли цветные круги – и выдохнул полной грудью.

Альвах направил лошадь вперед, не глядя на спутников и оставляя их наедине с любопытством. Леверн, погрузившись в раздумья, замолчал. Ни Винсент, ни Адалин не осмелились больше спрашивать что-либо. Дружеская беседа, оборвавшаяся на полуслове, так и не продолжилась.

* * *

Клер прислушивалась к каплям дождя, лениво падающим с потолка зловонной камеры. Маленькое, низкое помещение, в котором она едва могла выпрямиться в полный рост, походило на склеп. Здесь не было ни единого окна, ни слабого отблеска света – маленький огонек тонкой свечи, забытой стражем, давно потух. Иногда откуда-то издалека слышались крики заключенных, да лязг цепей, в которые были закованы ее руки, вторил им. Каждая секунда казалась часом…

В голове все еще звучали слова, сказанные на прощание стражем Хэдесом. Пожилой блюститель порядка, не скрывая досады, сожалел, что повесить воровку они смогут только послезавтра – их смена заканчивалась, и в тюрьме оставалась только дежурная охрана. Выходной в большой праздник положен даже стражам закона, а проводить публичные казни в эти дни запрещали монахи. Им вообще давалось слишком много власти, но поспорить с теми, кто доносил волю образов Санкти, не осмеливался даже король, что уж говорить о простых подданных.

Клер отрывисто выдохнула, пытаясь успокоить беснующееся сердце. «Виновна» – приговор до сих пор звучал в голове. Винсент предупреждал ее о

ювелирах, но девушке не хватило опыта распознать трусливого продавца среди корыстных, за что теперь и расплачивалась. Было страшно, и она всем сердцем надеялась на помощь, но если Леверн в ближайшее время не узнает о ее беде, через день она будет болтаться в петле.

* * *

Город встретил путников шумом вечерних улиц – праздник разрастался, и люди, спеша увидеть подготовленные для них чудеса, толпами собирались на главной площади, медленно прогуливались по многочисленным узким улочкам, значительно затрудняя движение. Огромные лужи были единственным напоминанием о вчерашнем ливне – у жителей и гостей городка настроение восстановилось с потрясающей скоростью, всего-то и понадобилось, что утеплиться к вечеру.

Каретам, повозкам и лошадям на время проведения праздника запретили подъезжать к центру города, поэтому Винсент, под недовольное ворчание Леверна, оставил лошадей в ближайшей к городским воротам конюшне. Адалин, поспешно следуя за рыцарем, разделяла его недовольство – большие расстояния им сейчас были не под силу. Все лекарские лавки на окраине города давно закрыты, а до светящейся сотнями огней центральной площади Альвах не дойдет. Несколько часов назад ему стало совсем плохо: он еле шел, цепляясь за своего друга как за единственное спасение. С него градом катился пот, а лицо, еще вчера бледное, сейчас походило на горящие угли. Адалин видела, что Альвах испытывает сильнейшую боль, но с его губ не слетало ни звука. Она ранее никогда не встречала немых, поэтому размышляла, недоумевая: разве люди с подобным недугом абсолютно беззвучны? Но, увидев очередную гримасу на лице Альваха, она вновь начала лихорадочно оглядываться в поисках спасительной вывески.

Адалин не сдержала слез, когда Альвах едва не потерял сознание, оступившись, а она ничем не могла ему помочь. Леверн, молчаливый и угрюмый с момента, как его другу стало хуже, не выдержал и, наплевав на протесты стрелка, закинул его на спину и прибавил шагу, а потом и вовсе перешел на бег. Ада со всех ног бросилась за ними, надеясь не потерять в толпе. Вдалеке Винсент, не дожидаясь Леверна, бил кулаками в чью-то закрытую дверь.

Когда принцесса добежала до маленького кирпичного дома на первой линии улицы, в его окнах уже горел свет. Забежав внутрь, Адалин увидела, как высокая статная дама, едва взглянув на потерявшего сознание юношу, ринулась к прилавку и достала с полки бутылочку. Вполуха слушая Винсента, кратко докладывающего об изменениях состояния раненого вплоть до потери сознания, женщина с усилием открыла рот Альваха и влила лекарство. Хлопая по щекам пациента, она пыталась привести его в чувство. Леверн, вцепившись руками в прилавок, не отрывал обеспокоенного взгляда от друга, коря себя за то, что не получилось посетить лекаря раньше. Он беспечно недооценил состояние Аля и теперь был вынужден наблюдать, как другу худо.

Несколько минут, показавшихся вечностью, компания провела в тишине, прислушиваясь к сердцебиению Альваха. Наконец его ресницы дрогнули, и он открыл глаза: взгляд был мутным, а это – один из признаков лихорадки. Несмотря на это, лекарка порадовалась тому, что лекарство подействовало и он пришел в себя. Облегченно вздохнув, она отстранилась и завязала волосы в тугой пучок на затылке – ей предстояло полностью осмотреть пациента, промыть и зашить рану, а после наблюдать за его состоянием.

– Вы двое, положите его на кушетку в другой комнате, за прилавком, – повелела женщина, кивнув Винсенту и Леверну. – Я сейчас подготовлю все необходимое, и начнем. А где девчонка? – Лекарка, окинув присутствующих внимательным взглядом, нахмурила брови. Заметив удивление в глазах Адалин, она уточнила: – Круглое лицо, светлая коса, взволнованная да рассеянная. Или она не с вами?

Адалин не успела отреагировать, как вмешался Леверн:

– В темном плаще и с медальоном на шее?

Последовал утвердительный кивок, и рыцарь холодно проговорил:

– Когда она к вам приходила?

Женщина на секунду опешила – ее удивила интонация молодого человека. Но, вспомнив, как волновалась посетительница за раненого юношу, которым определенно был ее пациент, она ответила:

– Вчера ближе к вечеру заходила. Описала пациента – точь-в-точь ваш друг. Я предложила ей лекарство и свои услуги, да только у нее денег не было – а я, знаете ли, без полной оплаты к пациентам не выезжаю. Девица пообещала вернуться и убежала. Я ее до самой ночи ждала, – добавила лекарка себе под нос.

Леверн, не дослушав женщину, кинулся к выходу.

– Постой! – Остановив посетителя у самой двери, лекарка отдала блокнот Клер. – Она, услышав про деньги, что-то в нем глянула и убежала. А блокнот на пороге обронила.

Леверн, благодарно кивнув, всматривался в имя на бумаге – рыцарь был уверен, что найдет Клер у этого человека. Вторую попытку выйти прервал голос Адалин. Принцесса, пряча руки под плащом, направилась вслед за ним. Спорить у мужчины не было ни сил, ни времени – буркнув скомканное «не отставай», Леверн наконец покинул лечебницу. Не стоило ему отпускать Клер.

Винсент ринулся было за принцессой, но лекарка крепко вцепилась худощавыми пальцами в его плечо.

– Мне нужна помощь, – не терпящим возражений тоном сказала она. – А друзья твои справятся сами. Тебе же лучше позаботиться о товарище, который в худшем, чем любой из вас, положении.

С этими словами лекарка поманила командира в комнату к пациенту и на ходу дала указания переодеться и протереть руки спиртом. Благо сменная одежда была – ей при разных обстоятельствах, время от времени, помогали коллеги. Лекарка подумала, что ее пациенту повезло – сегодня все, кроме торговцев, отдыхали, и она тоже не сидела бы здесь, если бы светловолосая девчонка так не запомнилась ей своим визитом.

Мысленно приказав себе собраться, она начала приготовления. Дело предстояло кропотливое.

* * *

В душе Леверна засело нехорошее предчувствие, едва он ворвался в лавку ювелира. Опасение усилилось, стоило ювелиру предстать перед гостями – низенький, круглый старичок с пышными усами и забавной тростью в руках бодро поинтересовался, какой товар интересует его посетителей. Леверн не мог не заметить, как начали бегать глаза мастера, едва он услышал о Клер.

– Девушка… с колье и серьгами на продажу? Что вы, такой я не видел! – Мужчина рассмеялся, и смех его показался наигранным даже принцессе. – У меня что вчера, что сегодня столько покупателей было. Чего только ни брали, чего только ни пытались продать! Были даже серьги с алмазами – знатная дама решила избавиться от украшений, подаренных ей любовником, чтобы муж не прознал об их связи. Но серьги с рубинами – нет, что вы! Не видел. – Ювелир вновь рассмеялся, но его смех оборвался, когда Леверн, не обращая внимания на испуганный вздох Ады, схватил старичка за ворот камзола, приподнимая его над землей.

– Я разве упоминал, что серьги были с рубинами? – Тихий шепот разозленного рыцаря жег, словно шипящее масло, и лицо ювелира стремительно приобретало пурпурный оттенок.

Леверн был в ярости – лицемерный старикан отнимал его время, не желая признаваться, что сделал с Клер. Рыцарь с юности опекал ее, и весьма успешно – кажется, Клер совсем забыла, что не всем людям можно доверять. «Беспечная, наивная, глупая…» – Леверн про себя наградил подругу десятком нелестных характеристик. Но более красочные эпитеты разозленный рыцарь адресовал себе – это он отпустил ее одну.

Адалин старалась не мешать Леверну, который допытывал ювелира. Старик перепугался и выдал все разом: и про драгоценные украшения, которые Клер прятала в сумке, и про стража, которому детально описал девушку, и про место, где можно его найти. Неосторожно назвав Клер воровкой, мастер чуть было не лишился глаза – Леверн в последний момент увел кулак в сторону, ударив дверцу шкафа. Звон разбитого стекла не волновал рыцаря, как и пораненные костяшки пальцев, на которые с тревогой смотрела Ада.

Ювелир, провожая взглядом непрошеных гостей, радовался, что удалось умолчать о простеньком золотом медальоне, принятом вместо драгоценностей.

На пороге Ада, тщательно копируя бескомпромиссную интонацию Винсента, обратилась к ювелиру:

– Хозяйка украшений – я, а девушка – моя служанка. Это я велела ей продать драгоценности. О случившемся я сообщу стражам, и, будьте уверены, они не оставят вас в покое. Вы навлекли тень позора на мое имя.

Развернувшись, гордая принцесса вышла за порог, провожаемая восхищенным взглядом рыцаря. Адалин легко решила нависшую над ними проблему: они выручат Клер из передряги, доказав, что произошедшее было не кражей, а исполнением приказа госпожи.

* * *

Винсент облегченно вздохнул – жизнь Альваха теперь вне опасности. Командир наконец вышел из душной комнаты навстречу вечерней прохладе приемного зала, где хозяйка маленькой лечебницы распахнула огромное окно. Вглядываясь в счастливые лица прохожих, Винсент поймал себя на том, что мысли неуклонно возвращаются к принцессе. Отпускать ее с Леверном было не лучшим решением. В умениях Леверна он не сомневался – за их краткое, но насыщенное путешествие командир удостоверился, что избалованный внук начальника стражи достоин быть сопровождающим ее высочества. Вот только его маниакальная одержимость братом и сестрой, которых, кажется, сама судьба свела вместе в этом путешествии, Винсента настораживала – ему нужен человек, который, не задумываясь, в первую очередь бросится защищать принцессу. Он все больше боялся, что, если возникнет критическая ситуация, Леверн оценит сохранность родных выше жизни Адалин.

Винсент раздосадованно поморщился, огорченный ходом своих мыслей, в которых недоверие и беспокойство только росли. Командир глубоко вздохнул.

– Нервничаешь? – Лекарка подошла незаметно.

– Я могу оставить Альваха на вас?

Лекарка, немного подумав, согласилась. Девушка, ради которой он собирается оставить раненого друга, видимо, очень ему дорога. Пусть это только догадки,

но лекарка чувствовала, что близка к истине.

– А я ведь даже не знаю имени нашей спасительницы, – неожиданно добавил Винсент.

– Доротея. – Добрая улыбка украсила лицо женщины, и она словно помолодела на десяток лет. Простая благодарность в искренних устах звучит слаще звона золотых монет, а она не слышала ее уже долгое время.

– Спасибо, что спасли жизнь моего… друга, Доротея. – Непроизвольно запнувшись, Винсент понял, что немой стрелок вполне может стать его другом. Командир очень ценил преданность, которой обладал Альвах. Мысли о дружбе навеяли воспоминания о Евандере, и глухая боль проснулась в недрах души, словно огромное чудище сонно подняло голову. – Я вернусь, как только найду своих спутников.

Винсент направился навстречу праздным улицам и шумящей толпе, уповая на удачу, – в такой толкучке он не заметил бы и своих родителей, если бы знал, как они выглядят.

#5. Театр огня

Леверн от негодования был похож на кипящий чайник. В городской тюрьме их не пустили дальше ворот из-за этого проклятого праздника. Никаких сведений без начальства выдавать не собирались, а страж, который знал о сегодняшних происшествиях, уже сдал смену. Сочувствующий тюремный охранник поделился своими наблюдениями, вызвавшими в рыцаре волну гнева: вчера вечером в камеру посадили воровку, по беглому описанию похожую на Клер. Леверну не хватало слов, чтобы выразить его отношение к законам. Рыцарь метался, чувствуя, что Клер совсем рядом, но помочь он ей не может. Желание наплевать на закон и прорваться, раскидывая всех на своем пути, едва обуздывалось здравым смыслом.

Упоминание рыцарского звания могло бы помочь открыть двери тюрьмы, но выдавать себя было рискованно – Леверна точно запомнят, и тогда

преследователи смогут выйти на след Ады. Его терпение было на исходе, и, вызнав, что страж, задержавший Клер, любит проводить вечера в многочисленных пабах на площади, Леверн уже хотел было наплевать на секретность, но тут появился незнакомец, усмиривший его пыл. Мужчина, настойчиво предлагая рыцарю проследовать за ним, шепотом заверял его, что обладает необходимыми сведениями о страже, который посадил Клер. Ада едва догнала Леверна, который вслед за благодетелем стрелой помчался на улицу.

Большую часть лица незнакомца закрывала повязка, его примерный возраст невозможно было определить; на голове красовалась широкополая шляпа, цвет которой было не различить из-за пыли и грязи. Мужчина, старательно избегая взгляда рыцаря, странным, хриплым голосом сообщил, что страж, которого искали Леверн и Адалин, сейчас в пабе «У Симона» в компании своих друзей. Наскоро описав внешность этого человека, незнакомец стремительно скрылся, игнорируя вопросы и благодарности. Леверн, вглядевшись на мгновение в удаляющуюся спину благодетеля, почувствовал странное волнение – что-то было знакомое в исчезающем силуэте, что заставляло его нутро сжаться. Но отдаваться во власть беспочвенных подозрений он не мог.

Адалин не понимала, почему лицо ее напарника с каждой минутой мрачнеет. Они смогут найти стража, а значит, найдут и Клер – чему тут огорчаться? Но Леверн чувствовал подвох. Теперь рыцарь сомневался в правильности решения взять Адалин с собой: если бы он был один, он немедля ринулся бы в паб, чтобы объяснить стражу всю серьезность его ошибки. Но вести туда принцессу он не мог, ее безопасность была важнее. Леверн никак не мог решить эту дилемму, как вдруг перед ним возник Винсент, непонятным образом отыскавший спутников.

– Голова гудит, потому что ты наконец решил ею воспользоваться? – поинтересовался Винсент и тут же ужаснулся – сарказм был для него чем-то новым. «Словно заразился от белобрысого», – мысленно отметил командир.

– Какой-то прохожий с повязкой на лице остановил меня неподалеку и буквально ткнул пальцем в вашу сторону.

– Не нравится мне все это. – Леверн вкратце рассказал о том, куда привели их поиски.

Винсент, слушая рыцаря, исподтишка разглядывал принцессу. Девушка выглядела не напуганной, а скорее заинтересованной – словно все происходящее напоминало ей забавное приключение из детской книги. Разубеждать Аду Винсент не спешил.

– Не высовывайтесь, взгляд долго ни на ком не задерживайте, руки из-под плаща не вытаскивайте. В случае драки держитесь как можно ближе к выходу. Мы позаботимся о вашей безопасности, – инструктировал Винсент принцессу. – И, Адалин, – командир нарочно выдержал паузу, привлекая ее внимание, – не мешайте мне на этот раз, пожалуйста.

Принцесса, выслушивая наставления Винсента, в смущении потупила взгляд.

* * *

Паб «У Симона» был одним из самых любимых заведений местных тружеников – знать никогда не посещала подобные места. Но изредка в паб заглядывали и важные, по местным меркам, люди, например, компания городских стражей, чей отдых сейчас был в самом разгаре. Маленькое, полутемное заведение насквозь пропахло табачным дымом: курение – одна из тех привычек, что за кратчайший срок входит в жизнь простых людей, и без трубки они уже не представляют себе полноценного отдыха. Адалин, в который раз закашлявшись, следовала за Винсентом, который осматривал помещение в поисках стража. Он заметил его за столом шумной компании: невысокий рыжеволосый паренек с щедрой россыпью веснушек на худом лице – и не скажешь, что такой способен без лишних сомнений бросить в темницу невинную девушку. Командир оценил силы – численность и в этот раз была не на их стороне. Надеясь на благоразумие Леверна, Винсент начал разговор первым, не дав рыцарю испортить все с самого начала:

– Хорошего вечера, сослуживцы!

Внимание шумной компании мгновенно переключилось на незваного гостя. Стражи, раззадоренные алкоголем, не спешили любезно откликнуться на приветствие. Разглядывая незнакомца, вояки довольно улыбались, предвкушая развлечение.

– И вам того же, – сказал седой мужчина, на первый взгляд самый спокойный и трезвый за столом, и после этих слов залпом осушил свой стакан.

– В каком же месте мы вам сослуживцы? – вмешался тучный мужчина напротив седого стража, и коллеги поддержали его одобрительным смехом. Алкоголь подогревал их бойкость, топя здравомыслие.

– В близком. – Винсенту не улыбалось пререкаться с разгульным воякой, ведь за плечом у него стоял Леверн, чья сдержанность таяла на глазах. Нужный им страж не спешил вступать в разговор и, не отрываясь, следил за Леверном.

«Чует, от кого ему перепадет», – решил про себя Винсент, присаживаясь на последнее свободное место за столом. Седой страж, улыбнувшись от такой наглости, рукой остановил буйного товарища, готового начать драку.

– Не спеши, друг мой, сначала поговорим. – И кивнул напарнику, переводя свое внимание на Винсента. – Что же понадобилось наемнику от честных стражей?

Командир подобную характеристику счел в какой-то мере лестной, в отличие от Леверна, который взорвался, но по другому поводу:

– Честных? Будь все стражи столь «честными», в городе царил бы хаос, взяточничество и беззаконие. Но, учитывая вашу потрясающую работу, до этого осталось немного, – выплюнул рыцарь.

– Прежде чем я заставлю тебя, уткнувшись мордой в мои сапоги, просить прощения за эти слова, расскажи, что ты имеешь против нас?

Леверн, вопреки первоначальному впечатлению Винсента о купленном для него дедом месте в страже, имел ряд полезных навыков – и сейчас, опережая любое вмешательство, он молниеносно вытащил из сапога тонкий нож и приставил его к горлу седого стража.

Следом поднялся со стула Винсент – двое за столом обнажили мечи, остальные же внимательно следили за Леверном, готовясь вступить в бой. Адалин чувствовала, как все больше накаляется атмосфера. Рыжеволосый страж, храня молчание, тоже встал, но к оружию не потянулся – он все рассматривал Леверна,

и лицо его выражало не испуг или ненависть, а нечто иное, что принцесса охарактеризовала как удивление.

– Я против ваших устоев. Тех, которые позволяют одному человеку оклеветать и казнить невинного с помощью таких «честных» стражей порядка. Вам редко перечат, не так ли? Славные псы на службе закона – кто же полезет отстаивать свое право в споре с вами? У заключенных нет шанса доказать свою невиновность, сидя за решеткой. Но я в силах попортить вам кровь. – Леверн чуть сильнее надавил на нож, и небольшая капля окрасила тонкий клинок.

– Успокойся, – предупредил Леверна Винсент, пока тот со злости никого не зарезал. – Мы никому не желаем зла. Нам нужен он. – Командир указал на веснушчатого стража, удивленного таким поворотом дел. – Вчера днем вам донесли на служанку, назвав ее воровкой. Слова ювелира – клевета. Мы готовы доказать ее невиновность и настоятельно просим выслушать нас, – продолжил Винсент. – Леверн, опусти нож, – приказал командир, и рыцарь с большой неохотой послушался. В тот же миг противник, пользуясь преимуществом, повалил Леверна на пол, заламывая ему руку. Нож со стуком ударился о деревянные доски, Адалин закричала.

Всеобщей потасовке не дал начаться арестовавший Клер страж.

– Прекратите немедля! – крикнул он.

На удивление, уже ринувшиеся в бой товарищи тут же остановились. Только седой страж не собирался следовать приказам низшего по званию.

– Господин Хэдес, прекратите, прошу вас. Вы ведь были со мной на задержании. Давайте дадим гостям возможность высказать свое недовольство. – Страж, которого, по словам незнакомца, звали Лео, продолжил: – Всяко лучше, чем разнести ваш любимый паб, не находите? Хозяин уже зло смотрит в нашу сторону. Боюсь, не видать нам больше от него бесплатного эля.

Если бы Винсент продолжал наблюдать за Лео, он бы заметил то, что не укрылось от Адалин: минутами ранее страж, услышав имя рыцаря, на миг испугался, но быстро взял себя в руки.

– Лео, в последний раз ты останавливаешь меня. В следующий раз моим противником станешь ты, – прохрипел седой Хэдес, утирая кровь тыльной стороной руки.

– Давайте выйдем на улицу. – Тон Лео не оставлял сомнений – это было не предложение.

В разгар праздника на улице никому не было дела до компании отнюдь не миролюбивых мужчин. Они остановились неподалеку от паба, поодаль от прохожей улицы, и Винсент первым начал разговор, вновь не давая Леверну ляпнуть чего-нибудь лишнего.

– Позвольте представить вам нашу хозяйку. Дочь милорда Кальяса, которой вы, вместе с неразумным ювелиром, доставили немало хлопот. Госпожа, прошу вас.

Адалин медленно стянула капюшон с головы, надеясь, что не зря открывает руки. Об истинном назначении когтей знают только причастные к ритуалу, и вряд ли обычные стражи из маленького городка входят в число посвященных. Они примут необычное украшение за причуду богатой наследницы – ей это только на руку. Вспоминая все, что рассказывал Винсент про милорда, Адалин, окрепнув духом, начала свое выступление:

– Мое имя Кассия, я старшая дочь лорда Кальяса – крупного землевладельца, одного из членов большого совета Его Величества короля. Думаю, вам знакомо его имя? – Увидев осторожные кивки, Адалин внутренне возликовала. – Я послала свою служанку продать украшения, к которым потеряла интерес. Простая огранка камней, мутный блеск – я хотела избавиться от них как можно скорее. – Принцесса провела длинным серебряным когтем вдоль линии волос, и реакция не заставила себя ждать. Лео как завороженный следил за ее рукой. – И что же я узнаю? – как можно правдоподобнее изображая гнев, продолжила Ада. – Мою верную помощницу, которая беспрекословно исполняет приказы, принимают за воришку и упекают в темницу, конфискуя мои драгоценности! – Адалин повысила голос и сама удивилась тональности, которую удалось выдать. – Я вынуждена была заняться поисками вместо того, чтобы наслаждаться праздником, шататься по улицам, разыскивая пропавшие украшения и служанку, словно дворовая собака в поисках еды! Мой дорожный костюм испорчен грязью этих улиц, а гневу не хватает места в груди – знайте, я немедля доложу отцу о случившемся, и тогда стоимость драгоценностей вам покажется одинокой монетой в реке долгов, которые он обрушит на ваши

головы! – Адалин, вздернув подбородок, замолчала, наслаждаясь произведенным эффектом.

Страж Хэдес беззвучно открывал и закрывал рот – воображение и опыт служения капризным вельможам живо нарисовали ему грядущие проблемы, Лео же был более сдержан. Казалось, он всерьез размышлял над решением проблемы.

– Мы с господином Хэдесом приносим вам свои глубочайшие извинения, леди Кассия. Девушка, которую мы поймали вчера вечером, ни словом не обмолвилась о данном вами приказе, и мы сделали поспешные выводы. Если вы проследуете за нами, мы тут же вернем конфискованные украшения и освободим служанку. А ювелир, который оклеветал вашу помощницу, понесет наказание, – выдал на одном дыхании молодой страж, склонившись в полупоклоне.

– Быстрее! – Адалин едва сдерживала ликование в голосе. – Вы и так испортили мне праздник, и более находиться в вашем обществе я не желаю.

Лео повел их обратно к городской тюрьме, находившейся недалеко от главной площади, – когда-то это здание было не местом заключения преступников, а домом богатого господина. Но времена меняются, люди умирают, а на совесть построенные стены стоят дальше, равнодушно взирая на муки находящихся в их заключении жертв. Страж Хэдес молчал всю дорогу – он все еще переваривал произошедшее. Многое не складывалось в единую картину, но успокоить благородную выскочку было необходимо – пусть вместо него этим займется Лео, который так быстро сдал позиции.

Сам Лео, приближаясь к тюрьме, все больше радовался. Ему, в отличие от других, тюремные своды придавали уверенности – там он чувствовал себя в большей безопасности. Наблюдая, как выводят замарашку-служанку, Лео равнодушно отметил, с какой радостью встретил девушку надменный охранник госпожи. Страж сначала не узнал Леверна, но воспоминание все же пришло, когда в трактире он услышал необычное имя из уст хмурого наемника. Сейчас, наблюдая, как Леверн подхватил обессиленную служанку на руки и направился на улицу, не удостоив взглядом ни стражей, ни госпожу, Лео еще раз убедился в том, что не обознался. Он не верил, что рыцарь, потомок богатого рода, которому одно время он сам служил, посвятил свою жизнь личной охране – слишком мелкая работенка для самовлюбленного наследника. Его разбирало любопытство, но страж старался не подавать виду – с Леверна станется

спровоцировать еще одну драку, а проблем ему не хотелось.

Лео вручил хмурому охраннику драгоценности госпожи – сама она не приняла их, махнув в сторону тут же подошедшего Винсента, – и попрощался с гостями.

Вопросы один за другим рождались в его голове, и он поспешил к другому господину, который сегодня также интересовался пойманной воровкой. Он нашел его на конюшне ловко седлавшим лошадь под восхищенные взгляды конюха. Лео, поприветствовав собеседника, детально изложил ему все подробности сегодняшнего вечера. Высокого мужчину в пыльной шляпе заинтересовало только одно:

– Леверн умолчал о своем положении?

– Именно, господин. Это весьма странно, ведь благородное имя Флоресов столь почитаемо и имеет влияние… – Под строгим взглядом мужчины Лео замолчал, а потом, аккуратно подбирая слова, продолжил: – Господин Леверн очень опекал служанку.

– Меня это не интересует.

– Прикажете задержать его?

– Не стоит. – Протянув мешочек со звонкими монетами, мужчина в шляпе добавил: – За твое молчание. Ты никого не арестовывал, никого не видел. Передай это своему напарнику и всем, кто был с вами в пабе. С хозяином заведения я поговорю сам.

– Но Хэдес очень упрям… – Лео вновь осекся. – Как вам будет угодно. – Поклонившись, веснушчатый страж направился прочь из конюшни.

– Он слишком молод, – конюх поцокал языком, провожая неодобрительным взглядом доносчика.

– Проследи. – Уточнять, за кем именно, не пришлось – конюх прекрасно понял приказ.

– Разумеется. Куда вы сейчас направитесь?

– Доложить милорду Маркусу, – бросил мужчина, и в глазах его собеседника отразилось понимание.

* * *

Всю дорогу до лечебницы Леверн громко поучал Клер, словно набедокурившую девчонку, прерываясь только на попытки догнать подругу, которая очень спешила увидеть брата. Винсент не желал бежать вслед за ними, справедливо рассудив, что возиться с братом и сестрой – обязанность Леверна, а его работа на данный момент уже выполнена. Адалин тоже не спешила терять обувь в погоне за спутниками – принцесса понимала, что с того момента, как рыцарь упомянул состояние Альваха, служанку волновало только здоровье брата.

Вокруг уже царил глубокий вечер, но празднование только начиналось, и веселье грозило растянуться до самого утра.

Командир порядком устал, но беспокойство отступило: Альвах вне опасности, Клер найдена, принцесса рядом. Винсент поймал себя на том, что размышляет о празднике – у него возникло желание пройтись по украшенным к случаю улицам, полным веселья. На задворках сознания вечно осторожный и рассудительный голос заметил, что их разыскивают десятки наемников и самым верным будет спрятаться в лечебнице и не высовывать носа. Леверн и так наделал много шума, затеяв драку в пабе. Но командир исподтишка наблюдал за принцессой и видел, как неосознанно она цепляется взглядом за прохожих, торопящихся к площади. Винсент решил проигнорировать голос разума и уступить беспечности. Всего раз.

– Адалин, – поддавшись секундному порыву, позвал мужчина. Принцесса отвлеклась от разглядывания очередного прохожего, и Винсент продолжил: – Вы бывали на празднике вне столицы?

Она не нашлась, что ответить. Винсент, всегда суровый и собранный, сейчас расслабился, и Ада наконец заметила, как молод на самом деле ее сопровождающий. Замешкавшись, принцесса, наконец, поделилась:

– Я никогда ранее не покидала дворцовых стен.

Винсент ожидал примерно такого ответа, но все же удивился. Его жизнь в основном проходила в дороге, и понять, каково это – с рождения ходить в строго ограниченных пределах, он не мог.

– Вам будет интересно узнать, как ваши подданные отмечают осенний праздник. После того как узнаем о состоянии Альваха, давайте прогуляемся.

Принцесса молча кивнула. Любопытство будоражило, ведь у нее появилась возможность посмотреть на жизнь простых людей, ради которых ей предстояло умереть.

– Надеюсь, на празднике нам не придется кого-то спасать, – без злости заметила Адалин.

Командир, удивленный замечанием своей спутницы, хмыкнул под нос:

– Я тоже на это надеюсь.

* * *

– Клер, постой! Клер!

Леверн обреченно вглядывался в спину сестры, мчавшейся в сторону лечебницы. Всего несколько минут назад она, напуганная, была у него на руках. Клер шептала его имя, уткнувшись в его шею, пока он нес ее на улицу, – дыхание девушки согревало, мурашками разбегаясь по коже. Хотелось задать Клер взбучку или же выпустить пар и избить охранников, которые оставили синяки на ее запястьях. Не определившись, какому желанию стоит дать выход, Леверн отчитался подруге о состоянии Альваха, не скрывая подробностей, и тут же пожалел, увидев, как в ее глазах разрастается испуг.

«Сам виноват», – зло констатировал рыцарь, вновь припуская за Клер.

Лечебница вмиг наполнилась шумом и взволнованными голосами. Альвах, сонно подняв голову, увидел в дверях своей комнаты Клер и Леверна, практикующегося в красноречии, – он отчитывал Клер за беспечность, впрочем, безрезультатно. Сама Клер, секунду спустя очутившись у кровати больного, представляла собой испуг в чистом виде – ее взгляд жадно метался по лицу брата. Вид Альваха, радостного, с румянцем на щеках, стал последней каплей – облегчение вырвалось наружу, впитываясь со слезами в рубаху немого стрелка.

Доротее пришлось силой отрывать девушку от своего пациента – швы на ране от таких объятий могли разойтись. Всхлипывающая Клер, крепко держа за руку брата, присела у изголовья, поглаживая его слипшиеся от пота волосы. Леверн с удовольствием отметил, что Аль вполне в сознании и даже улыбается – он переживал за сестру все это время, хоть и старался скрыть свои опасения. Привык упрямец держать все в себе, вот только кому, как не Леверну, знать, что творится у того в голове.

Хлопнула дверь, и на пороге показался Винсент. Он поинтересовался у лекарки состоянием друга. Услышав слово «друг» из уст командира, Леверн наигранно вскинул брови, но промолчал.

– Выдержки ему не занимать, а лучшее лекарство вы уже привели. Все будет хорошо. Пара дней отдыха, и про ранение забудет.

Леверн протянул Клер блокнот, любуясь радостью, расцветшей на ее лице.

– Думала – потеряла… Аль, это для тебя, взамен утерянного. Сможешь спрятать в нагрудном кармане.

Альвах одной рукой взял блокнот из рук сестры, второй переплел их пальцы. Ада улыбнулась, ей вдруг захотелось такой же крепкой и теплой связи со своим братом, как между этими двумя. «Тремя», – поправила себя принцесса, взглянув на Леверна, – рыцарь наблюдал за братом и сестрой, словно гордый отец за дорогими детьми. Адалин их отношения казались нерушимыми – после всех событий принцесса чувствовала, что Леверн давно взял опеку над братом и сестрой. Их проблемы он, не спрашивая, взваливал на свои плечи, защищая названных родственников.

Винсент негромко окликнул принцессу:

– Адалин. Все хорошо, можем идти на праздник.

– Куда это вы собрались без меня? – Леверн, стоило ему чуть расслабиться, вновь становился великовозрастным ребенком требующим всеобщего внимания.

– Без тебя никуда, зная твою прилипчивость, – весело парировал Винсент.

– Верное решение, ваше приказное величество! – Леверн развел руки в сторону, имитируя женский реверанс. – Негоже старой матроне вести на праздник юную леди – совсем замучаете ее рассказами о своем радикулите да просьбами отдохнуть на скамеечке, – намекая на якобы преклонный возраст командира, разглагольствовал довольный рыцарь. – Вам нужен такой отменный сопровождающий, как я! И Аде веселее будет, и вас до лечебницы дотащим, если ножки заболят.

Пока Винсент боролся с желанием открутить рыцарю голову, Леверн пообещал Алю:

– Я принесу тебе вкуснейшую выпечку, какую только смогу найти. Договорились, друг?

Альвах был совсем не против.

– У меня есть несколько свободных личных комнат, как нагуляетесь, приходите ночевать. – Доротея, удостоверившись, что ее помощь больше не нужна, направилась к лестнице. – Только плату я с вас возьму, не надумайте себе там лишнего.

Винсент не посмел усомниться в ее словах.

Альвах скосил глаза на сестру – она, не замечая в волнении, впивалась ногтями в его руку. И точно, она поднялась вслед уходящим молодым людям:

– Простите меня.

Клер виновато опустила голову. Леверн с жалостью взглянул на названную сестру; Ада же удивилась резкой перемене настроения среди друзей. Винсент воспользовался правом командира и сказал от имени всех:

– Ты цела – значит, мы справились. Но впредь слушай меня внимательнее. – В глазах Винсента мелькнули веселые искорки. – Ты словно девочка из сказок: сама собой никакой опасности не представляешь, только вот случись что с тобой, нам достанется от белобрысого дракона за твоей спиной.

Адалин осторожно прикрыла рот рукой, надеясь, что Леверн не услышит ее смеха.

Клер, словно впервые увидев командира, никак не могла перестать удивляться – легкого прощения служанка не ожидала. Она не видела, как кивнул ее родной брат, – Винсент, приняв его благодарность, уже не обращал на девушку внимания.

– Драконы бабушек не обижают, – заметил Леверн, все еще переваривая сравнение с огнедышащим чудищем. Но Винсент не отреагировал на слова рыцаря, направляясь к выходу; за ним последовала принцесса, тая улыбку.

– Клер, я и тебе выпечки принесу, – сказал рыцарь, прекрасно понимая, что она останется с братом. Иначе и быть не могло. На миг стало немного неловко, что он оставляет названных брата и сестру одних, но Леверн быстро подавил глупое волнение и поспешил догнать Аду и Винсента.

* * *

Когда легко на сердце, окружающий мир воспринимается в ярких красках. Адалин полной грудью вдыхала воздух, который, казалось, был пропитан настроением праздника.

Улицы пестрили цветами: багровые в свете факелов вывески, зеленые крыши торговых палаток, по-праздничному яркие наряды приезжих гостей и горожан; всевозможные товары, от количества и разнообразия которых кругом шла голова. Дорогу к главной площади украсили яркими лентами и цветочными композициями – осенний праздник привыкли отмечать с особым размахом. Вдоль

трех улиц, отходивших от центральной площади подобно лучам, можно было найти все, что душе угодно: мастера разных ремесел готовились не один месяц. У Адалин разбегались глаза, и она не знала, на что сперва обратить внимание: на искусные резные фигурки из дерева, глиняную посуду, расписанную глазурью, или на музыкальные инструменты да плетеные украшения. В воздухе безумно вкусно пахло выпечкой, а чуть дальше по улице, собрав у своих дверей толпы детей, кондитер предлагал отведать вкуснейшие сладости на длинных палочках.

Смех незнакомцев эхом отзывался в сердце, и Адалин чувствовала себя счастливой – принцессе казалось, что стоит ей подпрыгнуть, и она вознесется в темные небеса, навстречу ярким звездам. Леверн, услужливо поддерживая ее под руку, с энтузиазмом объяснял некоторые детали. К примеру, о вышивке на платьях девушек, указывающей на их принадлежность к ткацкому дому. Адалин читала о них в книгах и споткнулась, вытягивая шею в попытке рассмотреть наряды. Леверн обращал в интересный рассказ даже скучные мелочи вроде местного банка, массивный фасад которого едва просматривался за спинами безучастной охраны. Ада впитывала все, что видела и слышала, бережно собирая получаемые знания.

Винсент тоже с интересом слушал рыцаря – многие традиции королевства были ему неведомы, хоть он и жил здесь уже более десяти лет. Винсент не задавался целью вникнуть во все обряды, в смысл каждого праздника, который отмечали жители, – ему не хотелось обманывать себя, притворяясь уроженцем этих земель. Он знал, что он чужой, но не собирался ни доказывать, ни скрывать это. Прислушиваясь к Леверну, командир не забывал всматриваться в разношерстную толпу – праздник праздником, а терять бдительность ему не хотелось.

– Ада, смотри! – Энтузиазм в голосе Леверна заставил Винсента насторожиться, и он проследил за движением рыцаря, указывающим куда-то в толпу.

Адалин в изумлении открыла рот: за большой группой зрителей можно было различить языки пламени, хаотично мелькающие в воздухе.

– Что это? – прошептала принцесса.

– Пойдем-пойдем, лучше тебе все самой увидеть.

И воодушевленный Леверн потащил за собой Адалин, не забыв подначить напарника:

– Заканчивайте изображать старомодную бабушку – молчание вам не к лицу, командир. Догоняйте!

Винсент, скривив губы в ухмылке, бросил вслед рыцарю:

– За тобой, внучек, нужен глаз да глаз. Разве тут уследишь! – И ринулся догонять энергичного, даже в конце насыщенного дня, внука начальника королевской стражи.

А прохожие недоуменно улыбались, пытаясь понять, почему высокого, серьезного на вид незнакомца назвали бабушкой.

Адалин, стараниями Леверна оказавшаяся в первом ряду, широко раскрытыми глазами смотрела на разворачивающееся перед ней выступление. Сотни зрителей по обе стороны от принцессы разделяли ее восторг – мало кто хоть раз видел огненное представление.

В центре площади был разожжен огромный костер, вокруг которого под бой барабанов кружились молодые люди. Диковинные кожаные костюмы, скорее оголявшие, нежели прикрывавшие молодые тела, были непривычны для жителей маленького города, а потому только подогревали интерес. Артистки, совершенно не опасаясь огня, распустили прически – в свете пламени они походили на длинноволосых русалок, что вместо речных глубин выбрали близость к огню.

Сердце Адалин билось в такт громким звукам барабанов. Принцесса неосознанно сделала пару шагов вперед – ей хотелось быть ближе к яркому огню, который послушной птицей слетал с рук артистов в небо и возвращался обратно. Винсент предупреждающе схватил принцессу за руку, и Адалин остановилась, понимая, что дальше ступать опасно. Оставалось только смотреть.

Пара танцовщиц крутила огненные веера на семь спиц – ловко выгибаясь, они окружали себя пламенем, будто крыльями, позабыв о страхе. Сходясь и расходясь в танце, они вели за собой кольца огня, как бы говоря каждому: «Да, мы можем владеть огнем, самой опасной из всех стихий, и при этом сохранить

жизнь». Танцовщицы подходили ближе к толпе, и пламя проносилось у самых лиц зрителей, а страх и восторг смешались в один бесконечный круговорот. Адалин восхищалась, насколько уверенно юные артисты обращаются с пламенем: в центр площади вышел мальчик с разрисованным черными полосами лицом и в напряженной тишине проглотил огонь, словно безобидную еду. Его подвиг вызвал гром аплодисментов, Ада попыталась присоединиться к овациям. Ее когти засверкали в свете огня, и на принцессу начали оглядываться удивленные зрители. Седовласый старик, придерживая за руку маленькую внучку, неодобрительно покачал головой, отодвигая свое чадо подальше от странной девушки. В шуме восторженной толпы было сложно услышать что-либо, и Винсент, приглядывающий за подопечной, наклонился к ее уху:

– Спрячьте руки, Адалин, люди обращают на вас внимание. Не думаю, что капризная знатная дама, которая носит неудобные украшения по прихоти – а вы сами взялись за такую роль, – станет смотреть уличное шоу в толпе простолюдинов. Людям вы кажетесь странной, а такое хорошо запоминается.

Ада, покорно спрятав руки, постаралась прикрыть лицо волосами. Увидев, сколь сильно огорчила принцессу невозможность выразить свое восхищение, Винсент, смилостивившись, добавил:

– Мы с Леверном похлопаем за вас. Эй, былобрысый, хлопай! – Командир попытался привлечь внимание Леверна, но тот не реагировал, увлекшись зрелищем. Точнее, артисткой, которая прыгала через полыхающую огнем веревку – захватывающая картина. Лицо ее выражало неподдельный восторг – только настоящее призвание, став образом жизни, могло дарить столько радости. Леверна всегда привлекали люди, искренне влюбленные в свое дело, и танцовщица не стала исключением. Услышав, наконец, слова командира, он охотно захлопал в ладоши и несколько раз присвистнул. Девушка, как показалось наблюдательному Винсенту, бросила беглый взгляд на его спутника и тотчас отошла за костер, уступая место трем артисткам с лампадами на веревках.

– Командир, я вынужден удалиться. – Хитрое выражение лица рыцаря ничуть не удивило Винсента. Не удостоив его ни разрешением, ни запретом, командир проследил за тем, как Леверн, приглаживая пятерней волосы, цепляет самую приятнейшую улыбку на свою физиономию. – Ада, не дай этой старушке испортить себе вечер. Если чего-то захотелось – бери и делай, красавица. Один раз живем! – Леверн, уже исчезая в толпе, через плечо бросил командиру: – Не

ждите меня сегодня!

– Обормот, – недовольно проворчал Винсент.

Принцессу не сильно расстроил уход рыцаря – попав под очарование трогательной флейты, чья музыка неожиданно гармонично звучала с ритмичными барабанами, Ада не могла думать ни о чем другом. Движения артисток стали плавнее – девушки танцевали, и огонь змеей тянулся за ними подобно пестрой, живой ленте.

«Магия живет гораздо ближе, чем я представляла», – подумала Адалин, и восторг охватил ее душу.

* * *

После выступления, неспешно прогуливаясь по улочкам, каждый думал о своем. Сложно делиться восторгом с человеком, которого плохо знаешь, и Адалин не могла подобрать слова. Они прошли еще несколько улиц, не нарушая тишины. Молчание, возможно, преследовало бы их до самой лечебницы, если бы не прыткий зазывала, преградивший путь:

– Подходите, испытайте вашу внимательность и ловкость, сразитесь с удачей и бросьте вызов судьбе!

– И что же вы предлагаете? Убить дракона? – Некстати вспомнив одну особу с повадками мифического животного, Винсент расплылся в довольной ухмылке. Хоть командир и не верил громким словам, за которыми, по обыкновению, скрывалась какая-нибудь мелочь, недостойная траты времени, интерес у него проснулся. Всему виной этот вечер.

– Простую игру – «Найди шарик»! – Зазывала поманил путников к столику, за которым уже мялись несколько людей. Они, пригнувшись, напряженно следили за ловкими руками старика, что быстро менял местами четыре одинаковых с виду стакана. Фокусник не переставал ехидно улыбаться – он был профессионалом, и сегодняшний вечер принес немалую прибыль. Заинтересованные участники игры раз за разом обреченно ныли, когда стакан, выбранный ими, неизменно оставался пуст.

Винсента неожиданно заинтересовала эта игра. Он знал, что в большинстве случаев весь фокус состоит в обмане – шарика нет ни под одним стаканом. Но ловкий фокусник, после каждой неудачной попытки угадывающих, приподнимал правильный стакан, показывая спрятавшийся в нем шарик. Командир решил испытать свою внимательность: отдав зазывале медную монету, он не моргая следил за движениями рук фокусника. Когда стаканы остановились, Винсент немедля выбрал один, уверенный в своей победе.

– Увы, господин, зрение вас подвело! – изрек довольный жонглер, показывая пустой стакан.

Командир в изумлении уставился на шарик, который оказался под другим стаканом. Впрочем, чему удивляться.

– Я тоже хочу попробовать. – Адалин, ожидая, пока Винсент отдаст еще одну монету довольному зазывале, рассматривала шарик в руках старика. На вид – гладкий, глиняный шар под цвет стаканов, которыми орудовал фокусник. Ничего необычного.

– Готова ли госпожа испытать судьбу? – Увидев кивок, старик начал двигать стаканы быстрее и быстрее. Ада до рези в глазах следила за нужным и, когда пришел момент выбора, не сомневалась. Зажмурившись, принцесса указала на крайний справа стакан, замерев в предвкушении.

– И-и-и… он пуст! Сожалею, но шарик был совсем рядом! – Фокусник приподнял соседний стакан, показывая содержимое. Увидев разочарование на лице гостьи, он добавил: – Не расстраивайтесь, ведь вы так сильно старались! Возможно, вам повезет в следующей игре?

Увидев заискивающий взгляд, брошенный им в сторону принцессы, Винсент поспешил увести доверчивую девушку подальше от игры. Она шла медленно и неохотно, пораженная проигрышем. Неужели удача совсем отвернулась от нее? Хотя, если учесть последние пару дней, – в этом есть смысл.

Командир наблюдал, следуя за Адалин: теперь она даже не рассматривала яркие прилавки, которым не было конца. Винсент сожалел, что разрешил ей попробовать поиграть – принцесса приняла свое поражение слишком близко к

сердцу и, видимо, надумала много лишнего.

– Винсент, а вы верите в удачу?

Мужчина закашлялся – подобного вопроса он не ожидал. Размышляя, как бы помягче ответить, будучи не до конца откровенным, он не услышал начала признания:

– …Меня, похоже, неудача любит особой любовью – с рождения бродит со мной под руку. Я раньше не замечала, насколько сильно, но эта игра, кажется, открыла мне глаза.

Винсент обреченно выдохнул – на роль слушателя он не нанимался, но игнорировать не смел.

– Вы напрасно считаете, что игра построена на удаче. Даже самый удачливый человек, уверенный в своей победе, проиграет фокуснику. – Губы командира изогнулись в кривой усмешке, никак не напоминающей нормальную улыбку. – Вы встретили мелкого жулика, и он заставил вас задуматься о таких фундаментальных вопросах… Боюсь представить, что с вами будет, если вы увидите настоящий обман, что калечит жизни десятков, даже сотен людей. Я встречал таких и привык к этому зрелищу, а вам подобное, конечно, в новинку. Наивность не поможет, принцесса, у нее для вас припасено только острие копья. Ваш путь и так не из легких – не позволяйте жалким людям омрачать ваши последние дни еще больше.

Винсент замолчал, понимая, что, не желая того, все же перешел к личному, возможно, даже излишне прямо выявил свою позицию, но не собирался извиняться. Он уверен, что наставления рано или поздно должны помочь – пусть слышать их поначалу больно, но только так у него получится оградить хоть от части невзгод свою подопечную.

– Вы совсем не верите людям? – Ада желала узнать чужую душу, не понимая, что не каждый готов радостно распахнуть в нее двери.

Бывают люди, неготовые открыться и самым близким, что уж говорить о малознакомой принцессе; бывают те, кто привык держать сердце на замке. Они просто забыли, каково это: доверить свои сокровенные переживания кому-либо.

Винсент не знал, к какому типу он относится. Единственное, чего ему не хотелось, – отвечать на подобные вопросы. Но то ли упавшая духом принцесса, то ли ситуация, в которой они оказались, – что-то все же заставило командира хоть немного открыться. А возможно, всему причиной душевная рана от потери Евандера, которая никак не хотела затягиваться, и он подсознательно искал человека, который сможет заменить ему лучшего друга.

– Я осторожен и никому не доверяю, и незнакомцы, пытающиеся получить выгоду, обманывая других, расположения не вызывают. Каждый волен зарабатывать как может, но, если занимаешься дерьмовым делом, будь готов столкнуться с неодобрением. Простите, – он только заметил, что позволил себе грубое выражение.

Адалин не сдержала улыбки – командир, что тщательно следит за речью Леверна, и сам, оказывается, грешен. Винсент улыбнулся в ответ, потирая шею, – настроение понемногу улучшалось, и он все же не жалел, что для этого ему пришлось выложить немного личных мыслей.

– А нам вы верите? – Ада осмелела и, испытывая шаткий мостик доверия, что только начал строиться между ней и Винсентом, фактически кинула на него еще один булыжник, и теперь он опасно накренился, готовясь рухнуть.

Винсент долго и настороженно смотрел на принцессу. Во взгляде читалось недовольство – и Ада пожалела, что задала вопрос.

– Посмотрим, – нехотя ответил командир, и Адалин поняла, что более ничего не узнает. Он ускорил шаг, и принцессе пришлось его догонять, лихорадочно пытаясь найти новую тему для разговора. Ей было обидно заканчивать праздник таким образом. Судорожно оглядываясь по сторонам, она увидела мальчишку-подростка, торгующего полевыми цветами: маленький продавец устало разглядывал последний букет хризантем, одиноко покоившийся в его корзине. Было видно, что мальцу нестерпимо хотелось домой, но, наверное, не распродав все цветы, он не мог вернуться.

Неожиданно Адалин свернула в сторону мальчишки. Командир, услышав свое имя из уст принцессы, тотчас вернулся, осматриваясь – он во всем в первую очередь видел угрозу.

– Винсент, вы посчитаете безопасным купить цветы у этого мальчика? – кивнув в сторону продавца, спросила Адалин.

Командир неспешно осмотрел с ног до головы мальчишку, немного подумав, кивнул.

– Вам хочется цветов?

– Да, – согласилась Адалин, наблюдая, как Винсент без лишних вопросов отдает радостному мальчугану медную монету. Продавец, торжественно протянув цветы покупательнице, растерянно замер, когда та отказалась брать букет.

– Ты живешь с мамой? – Мальчик недоуменно кивнул, и Адалин внутренне обрадовалась – все, как она думала.

– Подари цветы маме – это мое желание как покупателя.

Девушка, улыбнувшись ошарашенному ребенку, не спеша пошла дальше. Винсент поинтересовался:

– И что вы пытались этим доказать?

Ада, наслаждаясь, ответила вопросом на вопрос:

– Как по-вашему, когда мы отойдем достаточно далеко, что сделает мальчик?

– Попробует продать цветы еще раз, чтобы принести домой больше денег. Я бы сделал именно так, – ответил Винсент, начиная понимать, на что надеется принцесса.

– Давайте проверим.

Спрятавшись за углом здания, командир и принцесса остановились понаблюдать за мальчишкой. Юный продавец, казалось, и сам не знал, как ему поступить. Но спустя пару минут мальчик решился: быстро собрав свои пожитки, он гордо выпрямил спину и, расправив пару цветочков в букете, побежал вглубь улицы. Адалин была уверена, что это кратчайшая дорога к его дому.

– Что скажете? – Довольная принцесса следила за реакцией Винсента.

– Скажу, что мальчишка еще не научился жизни, – хмыкнув, командир все же улыбнулся. «Вера принцессы в людей, ради которых она отдаст жизнь, невероятно сильна. Видимо, все мои наставления пройдут впустую…» – подумал он.

– А я скажу, что ваше убеждение в том, что мир полон жуликов, которые спешат лишь нажиться, неверно. Вы сами создаете таких людей, просто утверждая, что они окружают вас. Но да будет вам известно, что, даже если бы мальчик продал цветы снова и побежал домой с деньгами, чтобы отдать их матери, я бы не расстроилась.

Винсент оставшуюся дорогу молчал. Пример одного человека, конечно, не переубедил его, но что-то было в непоколебимой уверенности Адалин – глядя ей в глаза, он не хотел спорить.

#6. Письмо с другого берега

Городские жители, добрую половину ночи отмечавшие праздник, разошлись по домам всего пару часов назад. На улицах еще оставались следы ночных гуляний, а на главной площади неуловимо пахло гарью – огненное представление, такое яркое и незабываемое, казалось, оставило отпечаток на всем городе. Леверн улыбнулся, сонно прикрывая сухие глаза. Спешить никуда не хотелось, и рыцарь, завидев напротив книжной лавки скамью, мгновенно улегся на нее. Положив руки под голову, он приготовился вздремнуть. Непривычная тишина города убаюкивала не хуже колыбельной, а приятная усталость накрывала мягким одеялом.

После того как Леверн всю ночь развлекался с труппой, в голове царила поразительная пустота – все тягостные раздумья остались во вчерашнем дне и казались призрачно далекими, а тревога наконец отступила. Во сне всплыл образ светловолосой красавицы-артистки, которая была рядом всю эту ночь, разделяя с ним поистине счастливые моменты. Не будь рыцарь на важном задании, он задержался бы в городе подольше, возможно, даже последовал бы с

труппой в столицу – лишь бы растянуть удовольствие от общения с ней. Ее поразительные зеленые глаза преследовали Леверна в утреннем сне, и он тонул в приятном забвении, следуя за девушкой, словно за путеводной звездой. Ее фигура ступала мягко, неслышно, иногда будто взлетая, прекрасные русые локоны развевались от несуществующего ветра, а воздух отчетливо пах васильками. Леверн потянулся к ней, пытаясь дотронуться, но в ответ послышался смех – он слышал его десятки, сотни раз. Вдруг девушка остановилась и повернулась – на него с улыбкой смотрела Клер. В ее зеленых глазах плескался смех, словно она прекрасно знала, что ей не место в его фантазиях.

От неожиданности Леверн подскочил. Упершись руками в скамью, рыцарь испуганно оглядывался, не понимая, где он и что происходит. На улицах стало оживленнее – первые трудяги, ранние пташки, уже спешили на работу: повсюду снова открывались лавки, хотя закрылись они не так давно. На время праздника по закону все имели право на отдых, но торговцы, чья прибыль наполовину зависит от работы на праздниках, привыкли к непомерно длинным сменам.

Напуганный рыцарь пытался привести дыхание в порядок – сердце глухо билось, все еще находясь в плену необычного сна. То, что Клер нежданно явилась ему вместо артистки, о которой он грезил, сбивало с толку. Хоть сон и не был плохим, как часто преследующие его кошмары, Леверн еще некоторое время боролся с ужасом. Ему казалось, что он сделал что-то неправильное, непростительное, словно переступил некую черту, и вернуть все на свои места уже нельзя. Приходя в себя, он побрел по улочкам, намеренно обходя лечебницу – рыцарю не хотелось появляться перед друзьями в таком виде. Из этого дурмана рыцаря вывел невероятный запах выпечки. «Как раз для Альваха и Клер», – подумал он.

* * *

В лечебнице, куда шум улиц не проникал из-за плотно закрытых накануне ставен, гости еще спали. Вчерашний вечер вымотал не только Доротею, которая работала, в отличие от своих гостей. Леверн зашел никем не замеченный и первым делом направился в комнату за прилавком, чтобы проверить друга. Рыцарь совсем не удивился, когда увидел на стуле Клер. Она спала, облокотившись на твердую спинку, укрытая цветочным пледом. Гадая, всю ли ночь сестра провела на неудобном стуле, Леверн осторожно подошел к ней.

Утренний сон заиграл новыми красками, и его окутала странная неловкость.

Клер, неведомо как ощутив чье-то присутствие, через силу открыла сонные глаза: перед затуманенным взором стоял Леверн, в смятении оглядывающий подругу.

– Что… Одуванчик… а? – Ее несвязная речь вызвала у мужчины улыбку, и он присел на корточки перед девушкой, разглядывая, как она усиленно трет глаза в попытке прогнать сон.

– Тсс, не называй меня так. Вдруг кто услышит, и мне навек не отмыться от позора, – шутливым тоном сказал рыцарь. Клер давно не называла его детским прозвищем, и непрошеная ностальгия кольнула в груди. – С Алем все в порядке?

– Лекарка дала ему снотворное. Сказала, что так боль терпеть будет легче. Ты где был? – Клер, с трудом поднявшись с жесткого стула, выпрямила спину. – Ой… – Она издала неясный звук, упершись рукой в бок. Поясницу неприятно ломило.

– Нечего было спать на стуле. Ты как маленькая, – назидательно изрек Леверн, поднимая с пола плед. Рассматривая узор из ромашек на еще теплой ткани, рыцарь ответил: – Я гулял. Концерты на главной площади продолжались до самого утра. Жаль, ты не видела – выступал уличный театр огня. Невероятное зрелище.

– Ничего, мне хватит твоего рассказа. Ты ведь расскажешь?

Леверн кивнул. Наконец девушка заметила увесистый сверток, который лежал на столике.

– О, ты принес выпечку! – обрадованно воскликнула Клер.

– Я ведь обещал! Для тебя, милая сестренка, все самое лучшее! Ешь сколько хочется, только не ругайся потом, что в любимое платье не влезешь. Э-э-эй, за что?! – Получив легкий пинок в колено, рыцарь в притворной обиде отвернулся к постели больного и поймал заинтересованный взгляд Альваха. – Проснулся! – Рыцарь подлетел к другу и сжал его в медвежьих объятиях. Клер где-то над

ухом пищала о том, что обнимать нужно полегче – словно не она получила вчера подобный выговор. – Аль, тебя ждет серьезное наказание, – наигранно сурово произнес Леверн, глядя в добрые глаза друга. – Мало того что ты тонешь, когда я тебе говорю не тонуть; заставляешь нервничать Клер, когда я тебе говорю: «Береги ее»; так ты еще и медленно идешь на поправку! Вот только встань на ноги, и я тебе первоклассно намылю шею, надолго запомнишь. А после мы закатимся в паб и сядем пить, пока зеленые феи не очаруют нас своими танцами и… – Вовремя получив подзатыльник от Клер, рыцарь прекратил озвучивать грандиозные планы. Настроение стало великолепным.

– Особо не разгоняйся, иначе роль зеленой феи исполню я. Поверь, мой танец тебе не понравится, – вмешался Винсент, помогая спуститься по лестнице принцессе. Адалин заинтересованно переводила взгляд с командира на рыцаря, придерживая длинными когтями полы халата, надетого поверх платья.

– О-о-о, – простонал Леверн, картинно изображая мучения. – Зачем я это представил. За что…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mirum_yuta/pero-adalin

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити